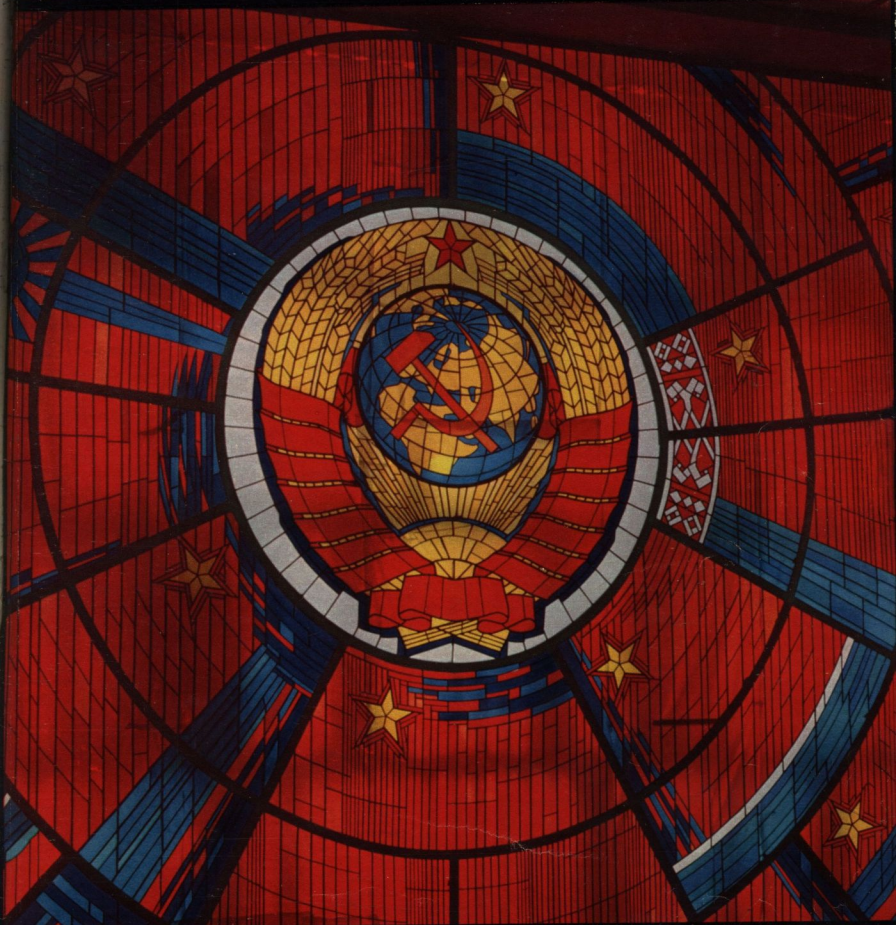

СМЕНА

№ 24 ДЕКАБРЬ 1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

№ 24 (1094)

ДЕКАБРЬ

1972

ЗА ГОДЫ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА В СССР ВОЗНИКЛА НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ ЛЮДЕЙ — СОВЕТСКИЙ НАРОД...

СЛОЖИЛИСЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА: ПРЕДАННОСТЬ ДЕЛУ КОММУНИЗМА, СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПАТРИОТИЗМ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ, ВЫСОКАЯ ТРУДОВАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ, НЕПРИМИРИМОСТЬ К ЭКСПЛУАТАЦИИ И УГНЕТЕНИЮ, НАЦИОНАЛЬНЫМ И РАСОВЫМ ПРЕДРАССУДКАМ, КЛАССОВАЯ СОЛИДАРНОСТЬ С ТРУДЯЩИМИСЯ ВСЕХ СТРАН.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК КПСС
«О ПОДГОТОВКЕ К 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК».

Мы, советский народ...

Как много значат эти три слова! За ними годы труда и борьбы, за ними преобразование социальные и экономические, за ними — ЭПОХА.

Мы, новая историческая общность людей, мы, советский народ, создали невиданное в истории государство, провозгласили и утвердили на деле самый справедливый принцип отношений между людьми — человек человеку друг, товарищ и брат.

Наше братство скреплено кровью и потом, оно священо и нерушимо, наша дружба — навеки...

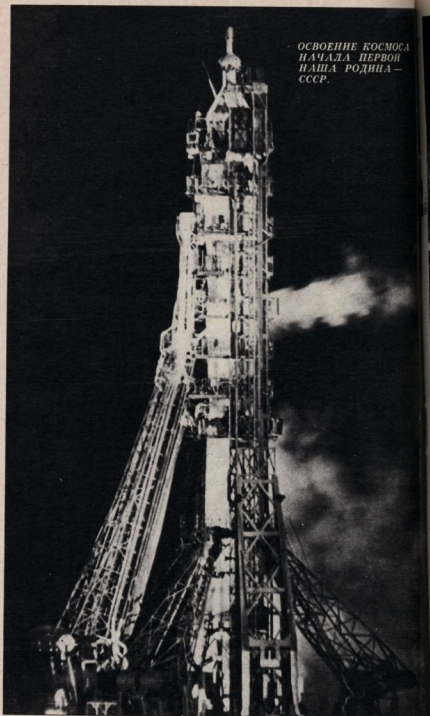
У нашей дружбы много имен — Магнитка и Днепрогэс, подвиг панфиловцев и Сталинградская битва, восстановление Ташкента и старт космического корабля.

О нашей дружбе уже написано и еще будут написаны тысячи страниц.

32 полосы раскрытого вами номера «Смены» посвящены этой же вечной теме — нашей дружбе и нашему братству, посвящены 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик.

Мы продолжаем строить и создавать, улучшать и совершенствовать города, села, экономику, быт, самих себя. Мы продолжаем работу, начатую нашими отцами.

Мы, советский народ...

ОСВОЕНИЕ КОСМОСА
НАЧАЛО ПЕРВОЙ
НАШЕЙ РОДИНЫ —
СССР.

ПОЧЕМУ

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Молодые люди, которых выбрал журнал героями уходящего года, родились уже после войны. В пятидесятые годы страны, называемой Союз Советских Социалистических Республик, жизнь каждого из героев входила целиком, а жизнь каждого из них — только малая часть жизни всей страны.

Но и без малой части жизни, прожитой страной, была бы неполной... Вглядитесь в их лица, лица молодых людей разных национальностей и разных профессий: шофер и физик-экспериментатор, учительница и буль-

дозерист, артист и бетонщик, рабочий-сварщик и воин-пограничник... Они непохожи, но огонь призвания, перед которым они равны, объединяет их: все эти молодые люди — комсомольские вожаки, комсомольские организаторы; они непохожи, они родились в разных концах страны, но судьба их единая, и родились они в стране, называемой Союз Советских Социалистических Республик, и только в этой стране могла так сложиться их судьба.

Они молодые...

Революцию они прошли по учебнику, но это они несут в жизнь завоевания революции.

Первая пятилетка занялась над страной задолго до их рождения, но это они участники и герои пятилетки девятой.

Война знакома им лишь по рассказам отцов, но это они работают для того, чтобы был мир на этой земле...

Примечательные их биографии —

МЫ СЧАСТЛИВЫ

в обыкновенности да еще в том, благодаря чему стала возможной эта обыкновенность.

Лет сорок назад журнал «Смена», каждый номер которого выходил тогда на разных сортах бумаги — от блестящей и белой до ломкой, как солома, желтоватой и рылкой, — командировал меня в Сормово. Был я в ту пору молод, писал очерки про прыжки с парашютом, заметки о комплексе ПГО (старом комплексе, но тогда был он новым, тогда впервые прозвучали слова, расшифровывающие аббревиатуру: «ПГов к труду и обороне»), писал рассказы. И вот я столкнулся с новым героем, новым рабочим, увидел его воочию, лицом к лицу. Сейчас я вновь часто встречаю на страницах журнала это словосочетание — «новый рабочий». А новый рабочий, новый человек — он начинался тогда. Тогда началась эта гигантская непрерывающаяся работа — страна создавала не только социали-

стическую индустрию, она создавала главный свой капитал — советского человека, ковала советский характер. Перелистывая сейчас старый журнал, я вспоминаю эту командировку в первую пятилетку.

Помню, как в сормовском Дворце культуры меня поразил один экспонат. За сиянием стекла лежала тяжелая металлическая бляха, в полкило весом, с вычеканенным на ней рабочим номером. Бляху эту бывшие хозяева завода вешали на шею рабочему поверх натального креста. Бляха передавалась от отца к сыну, из поколения в поколение... Я представил, как в сумрачное, дождливое утро толпились у проходной молчаливые испуганные подростки, и хозяин, не спеша заглядывая понурим людям в зубы, как лошадям, принимал или отвергал этих людей, а принимая, вешал на тонкие шеи тяжелые металлические бляхи. Крестьянского подростка, отупевшего от страха и

покорности, ставили на беспросветно-изнурительные подсобные работы — надолго или навсегда. Только немногим из них удавалось достичь к тридцати годам звания квалифицированного рабочего...

Эти мрачные видения, вызванные музейным экспонатом, рассеивались, как дым, стоило миновать проходную завода «Красное Сормово». Вот наиболее характерное из тогдашних наблюдений: «Повышение квалификации подростка неразрывно связано с повышением его общего культурного уровня. После работы в уютном тихом красном уголке цеха сходятся молодые бригадинки слушать лекции по теоретическому, изучению импортного оборудования, и точная рука комсомольца, председателя группы цеха, выводит мелом рядом с чертежом детали алгебраические формулы...»

Я часто вспоминал эту свою давнюю поездку в Сормово, перечиты-

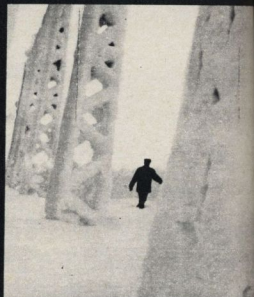
Николай
ГУДЕВИЧ

Валерий
АЗАТЯН

2 СМЕНА

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК — ХОЗЯИН СЕВЕРА

В ГОРАХ ЛЕГЛА СОВРЕМЕННАЯ ДОРОГА

ПО КОМСОМОЛЬСКОЙ ПУТЕВКЕ.

РОДИЛСЯ НОВЫЙ ГРАЖДАНИН СТРАНЫ
СОВЕТОВ.

БУРОВИКИ, СКАДОЛАЗЫ, МОНТАЖНИКИ
НА СЕГОДНЯШНИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ПЛ
ЩАДКАХ РАБОЧНЕ ВЛАДЕЮТ НЕСКОЛЬК
МИ ПРОФЕССИЯМИ.

СТРАД

вая очерки, напечатанные в этом году «Смена» под рубрикой «Комсомольский характер». Вспомнил и задумывался — и над переменами и над традициями.

Вот история молодавани, деревенского парня Федора Чернушана. Отец и мать его растили табак, а он уехал в город, поступил рабочим на стекольный завод. «Чтобы понять, что за личность Федор, — размышляет спецкор «Смены» — надо поглядеть, как он, едва перекусив, после ночной смены спешит в импровизированный, первый на заводе изучивший эти машины, уже разложил четки... Когда на место старой, еще 30-х годов, в общем-то довольно примитивной машины приходит автоматика, к ней с навыком владения кувалдой и зубилом не подступился. Знания нужны, общая образованность. Вот это и есть особенность Федора и его товарищей как рабочих. Ведь что их привлекает в труде? Интеллектуальная нагрузка».

Пройти трудный путь самому, ощутить себя не безликим исполнителем, а соавтором, творцом — вот что здесь главное. Обновление продолжается, и это характерно, что в первых рядах тех, кто сражается за прогресс, — комсомолец, комсомольский вождь. Характерно, потому что неудовлетворенность достигнутым, стремление к человеку, ибо в ней есть еще одно измерение, глубинное, социальное, — коллективизм, умение, талант передавать свои знания товарищам. Как это верно говорится в очерке о латыше Карле Микельсоне, комсоре рижского завода «ВЭФ»: «Знания и способности одного служат не границей, а продолжением знаний и способностей другого...» Здесь смыкаются экономическая целесообразность и нравственная необходимость. Это отчетливо понимают наши молодые герои. Есть в юной жизни человек, знакомство с которым я особенно горжусь. Хотя встречаемся мы с ним не часто, больше по совместным депутатским делам, каждая такая встреча удивительна, ибо удивителен этот человек. Я говорю об Алексее Васильеве Чуеве, знаменитом ленинградском токаре. Герой Социалистического Труда, блестящий мастер своего дела, достигший в нем высот, которым не устают изумляться коллеги по профессии и ученые-кораблестроители, Алексей Васильевич еще и тонкий, принципиальный, мудрый педагог, воспитавший на своем веку немало молодых людей. Я не оговаривался: именно воспитавший людей, а не только специалистов в той или иной профессии. Прорываться сама по себе — будь то слесарь-водопроводчик или физик-теоретик — не содержит нравственного потенциала. Его несут

Алексей
ВАСИЛЬЕВ

Карл
МИКЕЛЬСОН

в себе люди, и оттого неразрывна задача воспитания нового человека и нового рабочего. Толкуя об этом с молодыми депутатами, Алексей Васильевич Чувп замечал, что руководить государством — это не только принимать участие в разработке экономических планов всей страны, это значит и принимать участие в разработке нравственных планов каждого человека.

Эта работа непреходяща. Этой работой заняты и пятнадцать молодых людей, пятнадцать комсогов, которых посвятила «Смена» очерки этого года.

Вдумываясь в слова о «новой исторической общности людей — советском народе», анализируя черты, которые характеризуют нас, советский народ, мы выделяем беззаветную готовность прийти на помощь, подлинное товарищество, братство. В очерке «Обычный рейс» грузинский шофер Дима Завизвадзе на коварной горной дороге спасает, рискуя жизнью, незнакомого орловского водителя, и это лишь один из эпизодов очерка. Возможно, на этом случае следовало бы выстроить весь сюжет, но, думается, и там, что это событие стало лишь одним из эпизодов очерка, отчетливее видна обывательность

ны, различными, ярки, каждый из них — самобытная личность, обладающая притягательной силой. Характерно, что в наши дни буржуазные философы, критически рассматривая современное им «массовое общество», с нескрываемой тоской обнаруживают исчезновение индивида, констатируют подмену человека социальной функцией, а межличностных отношений — ролевыми связями. Безудержный эгоцентризм, абсолютное исключение из сферы внимания любых интересов, кроме собственных, привели к результату парадоксальному, но логичному: личность утратила само себя.

Человек становится человеком в той мере, в какой он нужен другим, в какой он ощущает свой долг перед другими людьми...

Очерки о каждом из пятнадцати комсогов можно было бы назвать — «Первый среди равных». Каждый из них действительно признанный мастер в своем деле, но такое качество определяет не только лишь близкими выгодами практического свойства — возможностью сказать при необходимости «делай, как я». Они не злоупотребляют этой возможностью, к тому же такой метод воспитания, как утверждает современная

Станислав КАЗАКОВ

Федор ЧЕРНУШАН

Микол АЛИЕВ

Латофат САВУРОВА

Она КРЯЧУНАНТЕ

поступка молодого шофера из Тбилиси, единственность решения, невозможность много выбора.

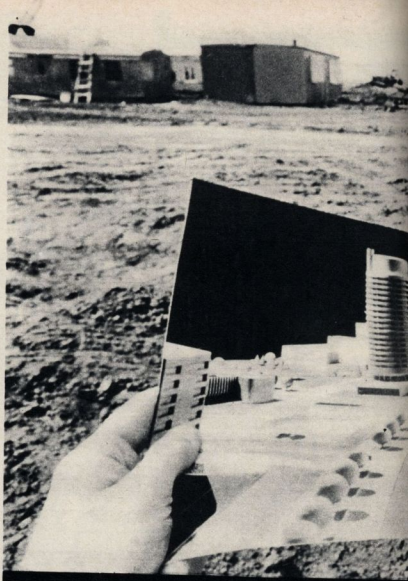
Солитарность, братство, интернационализм — неотъемлемые, естественные черты советского народа. Я был на фронте — русский и казах, грузин и украинец, белорус и чуваш сражались плечом к плечу за Родину. Видел азербайджанские, молдавские отряды строителей на томенском Севере. Посланцев всех краев и республик страны встречал на Кубе и в Индии, Египте и Мали — везде, где требовалась наша бескорыстная помощь. «Мы — интернационалисты!» — гордо говорили мы, и эти слова тысячекратно подтверждены делами. Это так же естественно, как естественно дышать. В этом естественности — сила и нравственное здоровье народа, его свобода.

Пожалуй, главная черта наших молодых героев — обостренное чувство долга. Пятнадцать очерков «Смены», собранные воедино, рассматривают духовный, нравственный срез целого поколения. Это прочные, крепко сделанные люди, надежные и верные. Естественную единственность выбора принимает и украинец Георгий Федун, защитник рубежей нашей страны; и таджикская учительница Латофат Савурова, для которой передний край — борьба с пережитками прошлого; и сверщик с «Гомсельмаша» вельский белорус Николай Гулевич, о котором рассказывают историки, похожие на легенды; и азербайджанский физик Эмиль Гусейнов, которому «трудно быть комсомолом у физиков, потому что надо быть еще и физиком...». Чувство долга объединяет их, но не делает похожими; они особен-

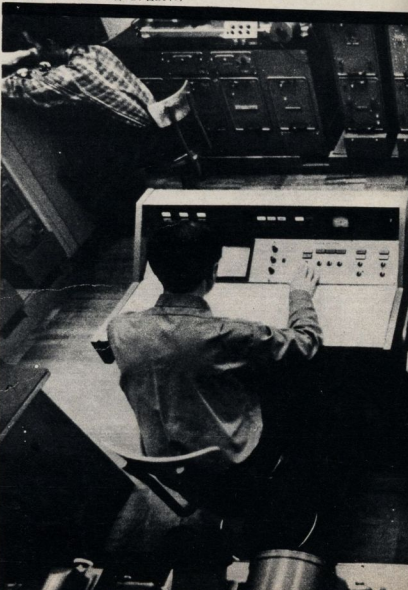
наука, далекая от совершенства, ибо он приучает лишь к стереотипному поведению, но не развивает способности к действиям самостоятельным. Для наших героев высокое мастерство в избранной профессии естественно, оно определяется высокой мерой требовательности к себе, но высота их требований к людям сопряжена с поисками индивидуальных решений для каждого человека, и это делает их безусловно привлекательными и в глазах товарищей и в наших глазах. Это вожаки подлинные, неформальные лидеры, как принято сейчас говорить, они нужны товарищам и товарищи необходимы им. «Читал он все подряд, но больше про любовь слышал, а однажды и сам написал стихи о счастье и о пустыне, о воде и садах. Формулу счастья он так и не вывел, но понял, что искать его нужно в отношениях с окружающими тебе людьми» — такой вывод делает туркменский бульдозерист, строитель Каракумского канала Аман Клычкурдыев. В том, что наши герои стали именно такими людьми, какие они есть сейчас, результат не только их личной работы над собой — это результат трудной и планомерной работы предшествующих поколений советских людей. Комсомольцы, комсоморги, их вожаки — связанные, они приняли эстафету...

Каждый из пятнадцати очерков написан про одного человека из одной союзной республики. Собранные вместе, они прослеживают судьбу поколения, раскрывают гигантскую преобразовательную деятельность страны, называемой Союз Советских Социалистических Республик.

Они непохожи, эти люди, наши ге-

«Я ЗНАЮ — ГОРОД БУДЕТ!»

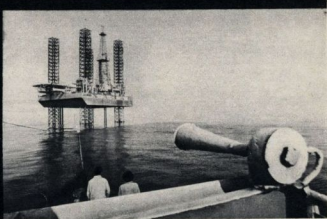

УМНЫЕ ПРИБОРЫ — В УМЕЛЫХ РУКАХ.

ПОСТУПЬ ТЯЖЕЛОЙ ИНДУСТРИИ.

ПЛАВУЧАЯ БУРОВАЯ ВЫШЛА В МОРЕ.

БРИГАДА ОБСУЖДАЕТ ЗАДАНИЕ.

рои. Один из них мечтал стать физиком-ядерщиком, а стал сварщиком; другой мечтал быть физиком и стал им. Литовская девушка из Таураге Она Крауцуняйте мечтала о сцене, о высоких шекспировских словах, а вся жизнь ее проходит среди слов «низких» — конвейер, экспульсатор, «какой мир загружать — свиной или говяжий», но любовь к искусству, пусть и неразделенная, «подогрела» у нее интерес к собственной жизни и к окружающим; Джумгалбек Ислаилов из Киргизии был шахтером, солдатом, машинистом электроваза, мечтал о сцене и стал актером... Каждый из них шел к цели трудным и неповторимым путем, порой терял надежду, но не терял себя, меняя цель, но не изменяя себе, оставался собой и добивался своего.

Они непохожи, они по-разному счастливы.

Вглядитесь в их лица, лица людей разных национальностей и разных

**Джумгалбек
ИСРАИЛОВ**

**Дмитрий
ЗАВЯЗДЗЕ**

профессий. Они молоды. Революцию они прошли по учебнику. Первая пятилетка занялась над страной задолго до их рождения. Война знакома им лишь по рассказам отцов...

Но это Серик Аялов, бетонщик из Алма-Аты, строит сегодня новые города.

Но это Станислав Казаков, физик из новосибирского Академгородка, разрабатывает новые вычислительные машины.

Но это Манон Алиев, преподаватель института из Ташкента, сражается сегодня с отсталостью и косностью.

Но это Рейн Ноккур, инженер-диспетчер таллинского завода «Ильмаринен», думает над планами завтрашнего дня.

Но это Георгий Федун, донецкий рабочий, охраняет сегодня на далекой границе рубежи нашей страны. Они счастливы.

А потому счастливы и мы.

СОРОК ПЯТЬ МИНУТ УРОКА.

**Фото Геннадия КОПОСОВА
и Льва ШЕРСТЕННИКОВА**

КОМСОМЛЬСКАЯ ДОРОГА.

ЛАБОРАТОРНАЯ РАБОТА.

ХРАНИЛИЩЕ ЗНАНИЙ.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН
В СВОЕМ РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ.
1922 год.

НАЧЕРТАНО ИЛЬИЧЕМ

Владимир Ильич Ленин... Он стоял у истоков СССР — первого в мире многонационального социалистического государства... В ленинских трудах большое внимание уделяно объединению народов бывшей царской России в единое демократическое централизованное государство. Еще в декабре 1919 года в «Письме к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным» Владимир Ильич писал, что в «сликкурессии и украинским рабочим обязательно нужен тесный военный и хозяйственный союз». В «Первоначальном наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам» Владимир Ильич обосновал историческую необходимость образования федеративного Советского государства. Ленинские указания легли в основу резолюции X съезда РКП(б) «Об основных задачах партии в национальном вопросе». Решения съезда открывали путь к объединению трудящихся всех республик в добровольном государственном союзе.

Наступил 1922 год. Рассмотрев в конце сентября предварительные материалы комиссии ЦК РКП(б), занимавшейся вопросом объединения республики, В. И. Ленин сделал по ним замечания.

25—26 сентября, В. И. Ленин беседует о теме образования СССР с членами комиссии и местными работниками.

26 сентября, В. И. Ленин направляет письмо для членов Политбюро ЦК РКП(б) об образовании СССР. В нем он выдвинул и обосновал идею объединения советских республик на началах полного равноправия.

«Мы признаем себе равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и заранее с ними входим в новый союз, новую федерацию, «Союз Советских Республик Европы и Азии».

В этом же письме В. И. Ленин изложил принципы организации высших органов государственной власти и государственного управления Союза ССР, сформулировал тезисы об общесоюзном ЦИКе, отметил важность строгого соблюдения интересов всех членов Союза ССР.

Особо бережно относился В. И. Ленин к суверенным правам национальных республик, подчеркивал необходимость внимательного отношения и малым и ранее утратившимся народам. «Важно,— писал он,— чтобы мы не давали лицам «националистам», не уничтожили их механизмы, а создали еще новый этап, федерацию республик».

Эти строки написаны в связи с пленумом ЦК партии, состоявшимся 6 октября. Пленум утвердил проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми национальными советскими республиками, состоявшийся с учетом предложений В. И. Ленина.

В труде «Владимир Ильич Ленин. Биография», изданном Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, так отмечается роль В. И. Ленина в создании Союза ССР:

«На основе разработанных им ранее принципов советского федерализма и обобщая опыт национального строительства в нашей стране, Ленин опре-

делил конкретную форму союзнаго государства, выдвинул гениальную идею создания *Союза Советских Социалистических Республик на базе добровольного объединения равноправных независимых советских республик*. Тем самым Ленин обогатил теорию марксизма и практику строительства социализма. Он открыл новый в истории тип многонационального государства и вместе с тем новый тип федеративного пролетарского государства — единого многонационального социалистического государства как добровольного Союза равноправных и суверенных наций, построенного на принципах пролетарского интернационализма».

6 октября. По состоянию здоровья Владимир Ильич не мог присутствовать на пленуму ЦК партии. Он направляет записку в Политбюро, в которой провозглашает также идею равноправного представительства всех союзных республик в руководстве общесоюзным ЦИК.

«Нало абсолютно настоять,— писал он,— чтобы в союзном ЦИКе *председательствовали* по очереди:

русский,
украинский,
грузин и т. д.
Абсолютно!»

Первая половина декабря. В. И. Ленин готовится к выступлению на X Всероссийском съезде Советов, которому предстояло обсудить вопрос об образовании СССР.

15 декабря. В. И. Ленин продиктовал по телефону письмо для членов ЦК РКП(б). В нем, в частности, говорилось:

«...Осталось только одно обстоятельство, которое меня волнует в чрезвычайные сильной мере,— это невозможность выступить на съезде Советов. Во вторые у меня будут врачи, и мы обсуждаем, имеется ли хоть небольшой шанс на такое выступление. Отказ от него я считал бы для себя большим неудобством, чтобы не сказать сильнее. Конспект речи у меня был уже написан несколько дней назад...»

К сожалению, состояние здоровья не позволило Владимиру Ильичу выступить с речью на X Всероссийском съезде Советов и принять участие в работе первого Всесоюзного съезда Советов.

30 декабря. Во время I Всесоюзного съезда Советов В. И. Ленин продиктовал свое историческое письмо «К вопросу о национальностях или об «автономизации», в котором сформулировал основные конституционные принципы Союза ССР, как добровольного содружества равноправных народов.

31 декабря. На следующий день после окончания работы I Всесоюзного съезда Советов Владимир Ильич диктовал продолжение своего письма «К вопросу о национальностях или об «автономизации». В этот день он подчеркнул: «...Следует оставить и укоротить союз социалистических республик; об этой мере не может быть сомнения. Она нам нужна, как нужна всемирному коммунистическому пролетариату для борьбы с всемирной буржуазией и для защиты от ее интриг...»

1922

ПРОЛЕТАРСКАЯ ПАРТИЯ СТРЕМИТСЯ К СОЗДАНИЮ ВОЗМОЖНО БОЛЕЕ КРУПНОГО ГОСУДАРСТВА, ИБО ЭТО ВЫГОДНО ДЛЯ ТРУДЯЩИХСЯ, ОНА СТРЕМИТСЯ К СБЛИЖЕНИЮ И ДАЛЬНЕЙШЕМУ СЛИЯНИЮ НАЦИЙ, НО ЭТОЙ ЦЕЛИ ОНА ХОЧЕТ ДОСТИГНУТЬ НЕ НАСИЛИЕМ, А ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО СВОБОДНЫМ, БРАТСКИМ СОЮЗОМ РАБОЧИХ И ТРУДЯЩИХСЯ МАСС ВСЕХ НАЦИЙ.

В. И. Ленин

СССР НАЧИНАЕТСЯ

ДЕКАБРЬ 1922 ГОДА. ВЕЛИКАЯ ЛЕВЫЙ ПОЛК ОБЪЕДИНЕНИЯ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК В ЕДИННЫЙ СОЮЗ ВОПЛОЩАЕТСЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ВОТ СВИДЕТЕЛЬСТВА ТОГО ВРЕМЕНИ...

«ХАРЬКОВ. Десятого декабря в 7 часов вечера открылся VII Всеукраинский съезд Советов». Получена телеграмма от т. Ленина.

(«Известия», 12 декабря 1922 г.)

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ В. И. ЛЕНИНА НА VII ВСЕУКРАИНСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ:

«Приветствуя открытие Всеукраинского съезда Советов.

Одним из самых важных вопросов, который предстоит рассмотреть съезду, является вопрос об объединении республик. От правильного решения этого вопроса зависит дальнейшая организация нашего государственного аппарата...»

Делегаты VII Всеукраинского съезда Советов ответили Владимиру Ленину:

«В тесном союзе и единении с прочими советскими республиками будем работать для осуществления принципов коммунизма...»

ИЗ «ДЕКЛАРАЦИИ VII ВСЕУКРАИНСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ ОБ ОБРАЗОВАНИИ СССР».

13 декабря 1922 г.

VII съезд Советов в полном согласии с желаниями и волей трудящихся Украины объединяется с рабочими и крестьянами России, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджана в братский предложени-

ем немедленно приступить к оформлению уже ныне фактически существующего Союза Советских Республик...

■
«МИНСК. 18 декабря. 4-й Всебелорусский съезд Советов принял резолюцию о создании Союза Советских республик... Доклад о создании Союза Советских республик был заслушан с исключительным интересом. Делегаты-крестьяне в своих выступлениях отмечали важность союза, заявляя, что все белорусское крестьянство стоит за союзу. Выступившие крестьяне сопровождали бурными овациями, а Постановления съезда приняло единогласно под гром аплодисментов...»

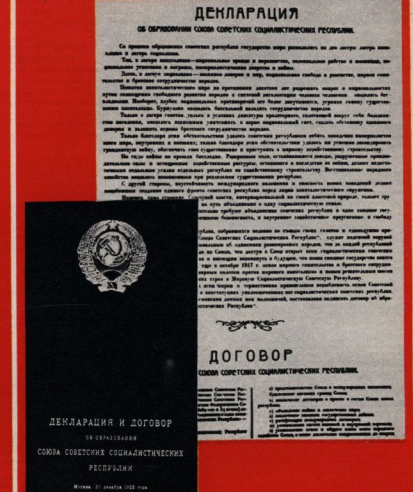
(«Известия», 20 декабря 1922 г.)

ИЗ «ПОСТАНОВЛЕНИЯ IV ВСЕБЕЛОРУССКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ ОБ ОБРАЗОВАНИИ СССР».

18 декабря 1922 г.

«Четвертый Всебелорусский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов считает, что предложение Всеукраинского съезда Советов о немедленном оформлении уже фактически существующего Союза Советских Республик... отвечает жизненным интересам Советской Белоруссии и потому должно получить скорейшее осуществление на предстоящем съезде всех советских республик...»

■
«10 декабря — день открытия I-го Закарпатского съезда Советов — является в жизни трудящихся Закарпатской историческим днем... Они единогласно постановили добиваться

ДЕКЛАРАЦИЯ И ДОГОВОР ОБ ОБРАЗОВАНИИ СССР. (Документы хранятся в Центральном Государственном Архиве Октябрьской Революции).

создания Союза всех советских республик.

О настроях съезда особенно красноречиво говорят те восторженные встречи, которая была оказана т. Киркову в Орджоникидзе — докладчиком по вопросам внешнего и внутреннего положения...»

(«Известия», 22 декабря 1922 г.)

■
К концу декабря 1922 года со всей России съезжались в Москву делегаты на X Всероссийский съезд Советов. Прибыли в делегаты Украины, Белоруссии, Закарпатия, посланные на I Всесоюзный съезд Советов. На Всероссийском съезде они были почетными гостями.

Какая съезда.
«Большим залом военных прожекторов в Кремлевском стиме устроено и изукрашено титлами в красный тришпират; «Десятый Всероссийский съезд...» (Михаил Кольцов, «Правда», 24 декабря 1922 г.)

Большой театр. День открытия съезда. Стрелы из тогу же репортэж Жюльена Кольцова:

«...В пяти омерзительных азиатских огней съезда ступившая до трех тысяч человек, вырванная и ослепленная себя и жизнь свою, окультурившаяся, очень далекая от трогательных умилительных мучимых, Россия рабочих и крестьянских...»
«...Х съезд Советов имеет свою и очень характерную лирику. Зал изловлен рабочими фигурами... бородач-крестьянин и статный красавец-крестьянин, многие из которых отмечены печатью героизма — орден Красного Знамени...»

(«Известия», 24 декабря 1922 г.)

ИЗ «СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ X ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ».

23 декабря 1922 г.

М. И. Калинин: «Говорящий. Х съезд должен считать себя бы избранным... Он — до истинной степени завершает работу всех предыдущих съездов, ставя в порядок для объединения в более тесный союз всех Советских Социалистических Республик...»
В зале присутствует свыше 400 делегатов на предстоящий первый объединительный съезд Советских республик от трех независимых советских республик: Украины, Белоруссии и Закарпатской федерации. Они здесь присутствуют в качестве почетных гостей и тех, чтобы через несколько дней приступить в качестве полноправных делегатов первого объединительного съезда Советских Социалистических республик.

Здесь присутствуют представители избранных представительств Закарпатских Советских республик. Это те крестьяне, которые обрабатывают участки земли на склонах высоких гор; и эти крестьяне, охваченные могучими горными хребтами, не забывают, что они тесным, невидимым, витиеватым и неслыханным образом связаны с трудом. В этой безгрозной солидарности кроется милая съезда Советов, в ней мы черпем свои силы, и она дает нам право сказать, чтобы быть успешными всеми неслыхательными и угнетенными: «Пролетария всех стран, соединяйтесь!»

1972

Комсомольский характер

Анатолий БАРАНОВ

ФОТО ТАЙМАС НУРТАЕВА

УЛЫБКА МОЯ, ДОМ МОИ...

Перед дверью Аялов останавливается, поправляет воротничок спортивной рубашки, поплевав на ладонь, приглаживает свои непослушные волосы и только потом, не постукая, решительно входит в класс. И сразу же тишину комнаты разрывает грохот тридцати распахнувшихся пар, и шорох шестидесяти ног, слышавшейся воедино, подобен обвалу, и в наступившей через мгновение тишине на него устремляется тридцать пар хорошо знакомых глаз. Ему нравится этот вечный ритуал, следующий за его появлением в классе, и то внимание, с каким его встречают и учителя, и ученики, и эти преданные глаза ребят, ждущих от него чего-то необыкновенного.

Серик обвел глазами класс, все вроде бы нормально. Только Володя Пах за чужую спину прачется. Наверное, снова двойку получил и, конечно же, по географии. Прочитал в каком-то журнале, что на земле не осталось «белых пятен», и с тех пор по географии один двойник. Принципиально не учит. Сначала гордился этим, а теперь глаза прачет.

— Ребята, есть предложение. Давайте завтра устроим маленькую экскурсию. — Он сделал паузу, ожидая, спросит они или нет, куда. Не спросили. Верили ему и к тому же любил обычный поход окрестностей тайнами. — Договорились. Сбор в 9.00.

— Куда же вы их на этот раз поведете? — вышла в коридор вслед за Сериком Аяловым учительница.

- Хоту один дом покажет.
- Обычный дом?!
- Скоро станет обычным, а пока единственный в городе, экспериментальный.

В экспериментальный цех Алма-Атинского домостроительного комбината Серик Аялов пришел после службы в армии. Объяснения звали

рабочих на различные заводы и фабрики, но Серик ментал поступить в политехнический институт, стать инженером-строителем. И то, что он выбрал домостроительный комбинат, было естественным. Алма-Атинский ДСК — один из крупнейших в стране. Только в столице Казахстана он построил больше половины существующего жилья, а его изделия идут и в Джамбул, и в Талды-Курган, и даже в другие республики. Новый город энергетиков — Калчатай вообще целиком родился в цехах комбината.

...Выдали Серику каску и определили бетонщиком в бригаду Вадима Лавриненко. Работа у бетонщика-насосчика только на первый взгляд несложная: очистить циты, покрыть их смазкой, установить арматуру в касете и залить ее бетоном. А потом включить вибраторы и пустить пар. Но стоило хоть в чем-то ошибиться, илохо очистить циты или неравномерно их смазать, и труд многих людей терялся в груде брака. И чья-то очередь на квартиру снова становилась неблизкой. Бригады всегда исполняли об этой очереди, когда речь заходила о браке. Наверное, от него Серик научился видеть в своей ежедневной работе не просто определенное количество выпущенных панелей, а состоящий из них дом.

Он мысленно заселял эти дома своими знакомыми. И эта детская игра ему нравилась. Но, несмотря на общительность Серика, знакомых у него было меньше, чем панелей, сработанных его бригадой, и теперь он в каждом прохожем видел человека, живущего в его доме.

В бригаде Лавриненко восемнадцать человек. Работали они в три смены, все вместе в цехе встречались нечасто, но объединяла их не только работа. Все были комсомольцами, ровесниками, у каждого за плечами десятилетка, а впереди похожие пути и судьбы.

Он вошел в жизнь бригады со всеми ее заботами и радостями так легко и естественно,

что и сам не заметил, как она стала частью его самого. Хотя если формально, то именно он, Серик Аялов, был частью бригады, всего лишь одной восемнадцатой ее, но нельзя же переводить в дробь целую человеческую жизнь. Серик не просто работал, он жил в бригаде. И был счастлив.

Быть счастливым и не быть несчастным — это не одно и то же. Первое чувство питается действиями, второе — только стремлением сохранить внутреннее спокойствие, сберечь себя от внешних раздражителей. Аялов действовал. Ему поручили поддерживать связь с учащимися седьмых классов средней школы № 65, над которыми шефствовал экспериментальный цех, а потом, год спустя, бетонщики Аялова избрали комсоргом цеха. Работы прибавилось, но она не была ему в тягость уже только потому, что нравилась, а главное, делалась минимум на восемнадцать разных частей.

Они шли по тротуару, обняв друг друга за плечи, и во всю мощь своих легких вспоминали «Девушку из Нагасаки». Эти горластые парни были явно навеселе. Прохожие прижимались к стенам домов, пропускали шумный квартал, и молчали. У каждого из этой четверки на рукаве краснела повязка дружинника.

Одного из них Серик узнал — бетонщик из соседнего цеха. С него и начал, попробовав пристыдить. Парням стыдно не было.

И Серик поначалу поднимать свою бригаду, а через пятнадцать минут «дружинники» оказались в... милиции. Еще через полчаса, считая недавнее происшествие чрезвычайным, бетонщики размыслили секретариат комитета комсомола комбината Таймаса Нуртаева.

На другой день в штабе дружины появился новый куратор Серик Аялов. Странная это должность, куратор. Приказывать он не может, наказывать не имеет права, но отвечает за все.

Народная дружина демонстрательного комбината считалась лучшей в городе. И, естественно, всех это и устраивало, не на шутку. В дружине одно за другим проходило несколько собраний. Серия Аянов ничего не требовал, он только говорил о требованиях, которые дружинники должны предъявлять в первую очередь и самим себе. Через неделю народная дружина на комбинате перестала существовать, осталась небольшой оперативная группа. Из семидесяти человек более пятидесяти были вынуждены покинуть на свои удовольствия. В комбинате комсомола сложилось и за судьбу дружины и за ее авторитет, вызвали для объяснений Аянова.

— Выгнали бы ты четверку, и дело с концом, — уговаривали его. — А ты, как новая метла, всех подряд.

— Ну, не всех. Ушли те, кто, причесав за удовольствие дружинника, рассчитывал на свою безнаказанность, или вообще не хотел работать. В общем, лучше меньше, да лучше.

— Не всегда лучше. И это как раз тот случай, когда мы должны брать всех желающих и воспитывать.

— Дружинник, я считаю, должен быть воспитателем, а не воспитуемым.

— И все-таки придет придется восстановить, назначить перед ними и вернуть удовольствие.

— Не я их выгнал, не мне и восстанавливать. Как наше собрание посмотрит, но только позднее, когда заслушает.

— Но ведь и тебе можно выгнать.

— Можно. Но я сейчас не уйду. — Еще неделю назад Серик сопротивлялся своему новому назначению, работы у него и без дружины хватало, но уйти теперь никак не хотелось, а остаться он не хотел и не мог. Тем более, что остальные ребята твердые, дружные, и теперь оперативная группа четко напоминала ему родную бригаду. — Не давай же ты уйду!

— Его оставили. Только еще раз напоминание об ответственности, ответственности личной. Он уже давно привык отвечать не только за себя. В оперативной группе звали строгую, почти воинскую дисциплину. Комсомольцы наблюдали не только за порядком в кинотеатрах, кафе, общественных и на улице. Вместе с работниками милиции они устраивали рейды по рынкам и магазинам, проводили разъяснительную работу в школах и на предприятиях, работали с подростками. У каждого из «трудных» подростков появился свой шеф, наставник, а скорее всего, просто старший друг.

На отчетной конференции секретарь комитета комсомола Таймас Нуртаев с гордостью заявил, что в их зоне комсомольского влияния за отчетный период не было ни одного чрезвычайного происшествия.

Серика вызвал председатель комитета ДОСААФ Александр Николаевич Гончаров. Уйдя в запас, Гончаров в душе по-прежнему оставался военным, и любой поджак на нем сидел как офицерский мундир, а его энергия еще хватало бы на целый полк.

— Поступайте в мое распоряжение, Аянов. Читай приказ.

Приказом директора Гончаров назначался командиром сборов допризывников, Серик — его заместителем. Молодые рабочие на четыре дня уехали в городскую лагеря комбината изучать азы армейской службы.

Ему казалось, что за два года гражданской жизни забыл он много, но стоило Гончарову подать первую команду своему новому отряду, и Серик мгновенно превратился в бывшего старшего сержанта. Напряглись его мускулы, изменился походка и даже голос. Он сам указывал своему командиру направление движения, поправлял даже пометки на карте, но не почувствовал. На четыре дня он снова стал военным человеком, и тридцать пять допризывников его взвода превратились из товарищей по работе в подчиненных.

— Взя не пошел в училище, старший сержант. Ты же природный строитель, — говорил Гончаров, глядя, как Серик отбавывает с бумажки солдатам строевой шаг, повороты и ружейные приемы.

— Может быть. — Серик вспомнил своего ротного, который два года назад сказал ему, что самый и буквально теми же словами. В чем-то созвучием все офицеры сложили между собой. В последний день сборов противная метель. Пять километров в противогазе да пограм — испытание не из легких.

Серик бежал впереди, показывая пример, то возвращаясь назад, подбадривая отстающих.

До финиша оставалось полкилометра, не больше, когда он заметил парня, присевшего у дороги. Тот уже одернул маску противогаза и широко открытым ртом жадно хавал пылящий горный воздух. Серик тоже снял маску, и голова его закружилась. Он понимал, как тяжело сейчас этому паренку, но жалеть его не мог. — Сейчас же наденьте противогаз и продолжайте бег.

Парень показал кушчи, и Серик не сдержался, закричал:

— Дурак! А если бы не учеба, а настоящие газы!

— Все равно дальше не побегу. — Парень подумал и добавил: — Я ногой подперну.

Понимая Серик уловку парня, но одновременно понял и то, что сила у подростка уже действительно нет и только приказом его сейчас не поднять.

— Будем считать, ты ранен, а раненых бойцы на поле боя не бросают.

Серик завалил «раненого» на спину и, шатаясь, пошел по горной дороге вверх. Он и ста шагов не сделал, как парень соскочил за его спиной и турано потянулся к финишу, а там долго искал взглядом Серика, и глаза подростка просили промолчать, забыть.

Над его кроваткой в общежитии висит для совершенно одинаковых аэстам, подарок от его подшефных в день окончания седьмого класса. И «а» и «б», не сговариваясь, выбирали то, что считали самым главным для Серика, — строительный неважно с домами и кирпичами.

А Серик Аянов давно уже думал о другом. Серика избрали председателем совета семейств семье и школе, куда вошли опытные учителя и рабочие комбината. На заседаниях совета к его словам прислушивались, хотя теория педагогики он никогда не изучал и практики вроде бы не имел, как не имел своих детей. Но есть, наверное, в человеке нечто большее, чем знания и опыт.

К Серику приходили за советом родители, учителя, тингулы школьники. С отставшими он, бывший победитель республиканской олимпиады, без конца занимался математикой. Вудил ребят на экскурсии по комбинату, познакомил школьников с учащимися строительного училища, а девочек возил на хончатоубажный комбинат — может быть, познакомит, и выберут они профессию текстильщицы.

— Если у нас пятьдесят педагогов, то товарищ Аянов не пятидесять первый, а, наверное, первый, сказала как-то секретарь партбюро школы Мария Петровна Начева.

— Он нас скоро без учеников оставит! — засмеялся директор Евгений Андреевич Лебедев. Многие нынешние подшефные Серика, восьмиклассники, действительно думают в будущем году поступать в профессионально-техническое училище, существующее при комбинате. А сам Серик Аянов долго колебался между педагогическим и юридическим. Выбрал последний, потому что каждый юрист обязательно должен быть одновременно и педагогом. Он просто в своей будущей профессии совместит два своих призвания.

К концу ночной смены они распаковали каску с готовыми панелями перекериты. Край легко подхватил огромную плитку, и она медленно поплыла в дальний конец зала.

В широкие окна падал луч раннего солнца, растянулся на бетонном полу арки квадраты. Когда окутанная паром плита попала в такой квадрат, над ней возникла радужная аура. Серик как раз наблюдал за плывущей аулой над секом радужной плитой, когда ему объявили, что вся бригада переходит до конца реконструкции в другой цех. Вся бригада, кроме него, комсомола Аянова.

— А как же я?! — растерялся Серик.

— Не все ли равно, — пожал плечами мастер. — Перейдешь в другую бригаду.

Кто-то проткнул ему сигарету, и он машинально взял, хотя никогда раньше не курил. Затянулся горьким дымом и закашлялся до слез. Потом долго сидел на старой бетонной плите, покрытой паутиной трещин, опеченной обрывками арматуры и думал. Думал, смена кончилась и начинается его день, с самого начала свободный день. И еще что-то, он смутно чувствовал это, ему нужно было начинать сначала.

Над ним в радужном облаке пылало бетонное перекрытие, маленькая капля восьмикратного экспериментального джома, строительство которого он и хотел сегодня показать своим ученикам.

Перед этой командировкой я провел «микроследование» у двадцати своих знакомых спросил, что, по их мнению, является самым примечательным событием первой пятилетки. Все двадцать сказали: Днепрострой. Еще были названы Магнитка, Сталинградский тракторный, Горьковский завод... Но Днепрострой всегда был первым.

Стройка, определявшая эпоху. Стройка-символ.

И люди, ставшие олицетворением целого поколения.

С двумя из них я познакомился по Дворце культуры запорожских энергетиков на вечер, посвященном соколовской годовщине пуска первой очереди Днепровской гидроэлектростанции имени Ленина.

Сорок лет — дата не «крутая». Но бываю события, любовь годовщина которых отмечается как самый большой юбилей. Днепрострой этой категории.

Митрофан Денисович Бабенко и Константин Бельчинов. Впервые приехали на Днепрострой в 1927-м, в первый год строительства, и пробыли тут до его завершения. Видели все от первого камня. У обоих это

1932

Леонид ПЛЕШАКОВ,
специальный
корреспондент
«Салены»

БАЛЛАДА О ДНЕПРОСТРОЕ

летание — самый яркий период биографии, определивший всю дальнейшую жизнь. Вообще у большинства перестроителей судьбы до удивления схожи. Имею в виду не Днепрострой — это их общее, а то, что было до него и после. Схожими не в деталях, а, так сказать, в сути самой жизни. В биографиях этих двух ко всему прочему было много и различий.

Костя Василенко пришел на Днепр четырнадцатилетним мальчишкой. С отцом, матерью, двумя сестрами. В родном Гуляй Поле отец крестьянствовал, плотничал, был учителем сельской школы, продотрядовцем, воевал с Махно, а после гражданской даже возглавлял уездное отделение сельхозбанка. На стройку отца потянула старая профессия плотника да мечта дать детям образование, хорошую специальность.

Митрофан Бабенко к этому времени был человеком самостоятельным. Двадцать пять лет. Успел послеслужить на сахарных заводах под Яготином, три года красноармейцем Первой Конной армии гонимых за басмачами по пескам и горам Туркестана. Посланный Харьковским электромеханическим заводом на монтаж тепловой электростанции, которая долж-

на была пиратом током Днепростроя, он тут и остался: поправился размах. И брата своего сюда после перетянул и отца.

Сначала я удивился, что они не знакомы друг с другом. Ведь даже в книге ветеранов Днепростроя их фамилии почти рядом. А потом понял: слишком велика разница в годах. Легко, конечно, обобщать комсомольцев первой пятилетки. А когда между ними лежит одиннадцать лет, возраст все-таки сказывается. К тому же в многотысячном коллективе трудно знать всех. И если за пять лет их дорожки так ни разу и не пересеклись — а ходили-то рядом, — то дальше их жизненные пути и вовсе разошлись.

После пуска станции Костя Василенко по путевке райкома комсомола пошел служить в подшефную часть на Черноморский флот. Окончив срочную, поступил в военноморское училище имени М. В. Фрунзе. Стал офицером-подводником. Воевал на Балтике, служил на Севере. Ушел в отставку капитаном первого ранга.

А Митрофан Данилович всю жизнь оставался с Днепрогэзом. Монтировал агрегаты второй очереди. Работал на эксплуатации. В августе сорок

МЕЖДУ ЭТИМИ СНИМКАМИ БОЛЬШЕ Сорока ЛЕТ. КОГДАТО КРЕСТЬЯНЕ, ПРИЕХАВШИ НА ДНЕПРОСТРОЙ ИЗ ОКРЕСТНЫХ СЕЛ, ИЗУМАЯЛИСЬ: НЕУЖТО И ВПРАВДУ ПЕРЕГОРОДИТ ДНЕПР?

первого пошука станицю одним из паровозов. Вернувшись из эвакуации, восстанавливал ГЭС, снова дежурил у генераторов. На пенсию его проводили в шестьдесят семь лет.

Один из дней не был на фронте, другой прошел войну как звонка до звонка. У Васильева на груди четыре ордена Боевого Красного Знамени, ордена Красной Звезды, боевые медали. Бабею награжден орденом Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалью «За трудовую доблесть». Я решил, что встретюсь с каждым из них, отведу их, когда зададут буди один и те вопросы: пусть каждый привавет наиболее характерные, с его точки зрения, детали и факты, это дополнит их рассказы, сделает их собственные воспоминания более объемными.

— Когда вы приехали сюда, — спрашиваю я, — вы представляли, что тут вырастет такая вот плотина, постройт огромный город, заводы, фабрики, насадут парки, сады?

— Честно говоря, в то время у меня на это фантазий не хватало, как говорит Константин Емельянович. — Тогда мы много писали о том, что тут будет. Лекторы часто выступали, показывая планы и макеты будущего города, заводов. Красиво все, а не верилось. Мы поселились тогда в самом крайнем домике старого Начаса — деревня эта под воду ушла, когда стали заполнять водохранилище, — как раз рядом с лесопилой. Проходит упрямцы с двумя колесами, возчик один конец бревна влезает на колеса, другой валочится по земле, и тывет это бревнышко на лесопилку. А потом лес валут плотинами, рини впадет. Это танне деревянные киеют. Из лесов и земель, которые впадет, да перемича для мотавовых делал. Прику, бывало, и туту а бригаду, выстрит они эти рини, топоривали, поминают тут-тот. А в газетах пишут на Днепре вырастает самая крупная в Европе гидроэлектростанция. Как-то все это не впадало.

А Митрофан Данилович сказал: Мне было легче другим все-таки уже много дело с тепловыми электростанциями, знал, что к чему. Но все равно не мог представить, что будет Днепростро и как все там внутри наладит работать. Тогда много народу приезжало и нам посмотреть, что да как. Особенно ставли domande: где это, что, индустри, что не Днепростро? То суевер перероготы. Ойндамы мы совершили экскурсию вверх по рене, до Днепротрогоска добрался. Динга-ро, на берегах, помы что по всему течению пороги, море-где дае водоплавы. Рене была новострой. А у нас поначалу тахине индустри. Земельные работы, все планировку прозиривши грабры-частности. Приехали они со своими лошадми с Украины, из России, Белоруссии. Ойнда, что в чав. Сталин не на телеке такие стандартные личины с отпидивающимися дном. Каждый лопатке свою грабину наладит, от земли, гравит, куда укажано, снова замаскируются. И нады, смитришисотни грабры снуют, будто кома-ришис.

Постоявшему и повиря в Днепростро, когда по берегам появились первые бетонные бычки. Тут сразу как-то уявляе ее мощи. К этому времени

на строине уже и механизмы стало побольше: провели в котлован железную дорогу, подвешенных кранов настало много. Штурги под взрывчатку бурным уже не вручили, а специальными станками. Тогда была в основном заграничная. Я тоже выучился на машиниста парового портального крана.

— Что, по-вашему, было главной чертой паростроителей? Как запомнились вам ваши товарищи?

Оба моих собеседника, будто сговорившись, сказали:

— Главная черта — энтузиазм. Запомнились механизмы совершить не возможное. Работали мы круглосуточно, в три смены, — продолжал Бабею. — Восемь часов отработал, объявляют: теперь «на прощанье». Идея «на прощанье» и снова работать, но уже бесплатно. Мы здорово тогда торопились, чтобы собрать срочи строителства. Глиму, бывало, со своего крана в котлован, а там, далеко внизу, дини пошлится: камня не видно, слышимые слышим. А после этого сам тува сорока-шестидеся. Камни после взрыва попадали в биди, наверх, повалив, потом зашлепала катала под укладку бетона. Чтоб лучше сцепление было, грабнет мыли триспан, кам пола в газ-тире.

Константин Емельянович:

— Окончание строчку, я стал машинистом парового крана, возиле строительными в мотаван. Паровозник без тендера с парой платформы, и снова мы между берегом и котлованом, как челноки. Бетон возем, архитектуру, лес. И все давай, давай! Топтали бетоны...

— Что такое «топать бетоны»?

— Утрабтовывать его, уплотнить ногами. Тогда нынчебетон, который не был — топатальщина, что ли.

— Ну и какое качество получалось?

— Наверное, хорошее. Сорни тут стоит платина, и ничего ей не делается. И я взрываю ее и бомбил, а она стоит.

Удивительно все-таки это были люди. Американцы хотели возгавляе всю строину: у нас, мол, опыт, знания. Наши отказались. Опыт и знания приобретутся в работе, главное сейчас tempo, которые дае мастерские американцы считали неральными, а потому на такие скатые срочи не соглашались.

— В начале тридцат второго года я снова перешел в электромонтажники. Кан раз стали собирать первый аргумент, — рассказывал Бабею. — Пустили его Первого мая. Собирали наши рабочие, а руководили канские инженеры, так как все турбины и пять первых генераторов были из США. Американские спецые дело хорошо знали, но вот работали медленно. Терпели мы, терпели, потом и говорим: мы сами все будем делать, а вы только наблюдайте, чтоб канство было и все технические условия соблюдалось. С мая по август смонтировали еще четыре генератора.

Я не ошибся, когда заранее предположил, что самым жалким делом в их жизни было это солнечный ок-

ПРОТЕТАР

№ 100. 20 марта 1933 г. № 204.

СЕГОДНЯ

в день годовщины строительства за-
вершена гребенная плоти-
на

МАРИЯ ШАНДРИНА ИК. КИТОВ

в 18-м часу 24-го, 25-го

ПЛАМЕННЫЙ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПРИВЕТ

УДАРНОМУ КОЛЛЕКТИВУ РАБОЧИХ И КИП ПЛОТИНЫ.

Вы своей самоотверженностью и преданностью, непоколебимой стойкостью в борьбе за дело Ленина и идеи электрификации доказали всему миру, что только в СССР строительство плотины, а следовательно, водостроительных генераторов — это реальное дело социализма.

В то время, когда в остальном мире гаснут огни электростанций, дома, фабрики, на шестой части земного шара уже освещаются лампочками Ильича.

ВЫШЕШЕЛ НА РАБОТУ ПЕРВЫЙ КЛАСС БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ

ОБЪЕДИНИВ ПЛОТИНЫ ВЫПОЛНИЛ ГРЕБЕНКА СЕГОДНЯ ЗАКРЫТА!

ТО БЫЛО ВРЕМЯ, КОГДА ОБЕ СТОРОНЫ СРАЖАЛИСЬ НА АНГЕ И ВОЛЕ ТОЛЬКО МЕТАЛЛИ.

МНОГО РАБОТАЛИ ВРУЧНУЮ, БЕТОН УТРАМБОВЫВАЛИ НОГАМИ.

А НА ДНПРЕ МОНТИРОВАЛИ ТУРБИНЫ, ИЗГОТОВЛЕННЫЕ ЗА РУБЕЖОМ.

НА ПУСК ПЕРВОЙ ОЧЕРЕДИ ДНПРЕОСТРО ПРИИХАЛИ ВСЕКОЗНОБЫЯ СТАРОСТА М. И. КАЛИНИН И НАРОДНЫЙ КОММИССАР Г. К. ОРАЖОНКИДЗЕ.

ХРОНИКА ДЕСЯТИЛЕТИЯ

1932 год

Введены в эксплуатацию заводы: Горьковский автомобильный, Первый государственный подшипниковый, «Калибр», «Фрезер». Начали действовать первая домна Кузнецкого металлургического комбината и первая мартовская печь на заводе «Электросталь».

Вступил в строй Березинский химический комбинат, первая очередь Днепрострога имени В. И. Ленина.

Основан город Комсомольск-на-Амуре.

Открыто Нимбаевское месторождение нефти, позволившее начать промышленное освоение Верхне-Уральского нефтяного района.

Начала работать первая угольная шахта в Воркуте.

Организованы Союз писателей СССР, Союз архитекторов СССР, Союз композиторов СССР.

1933 год

Введены в эксплуатацию Челябинский трактор-

ный и Уральский завод тяжелого машиностроения. Открыто движение по Беломору-Балтийскому каналу. Запущена первая домна на заводе «Азовсталь» в городе Мариуполе.

Начата поллярная экспедиция на ледоколе «Челюскин».

Народному комиссару по иностранным делам СССР Литвинову: «Мой дорогой господин Литвинов, я весьма счастлив известить вас, что в результате наших с Вами бесед правительство СССР решило установить нормальные дипломатические отношения с правительством СССР и обменяться с ним послами».

Франклин Рузвельт.

Вашингтон, Белый дом, 16 ноября 1933 г.»

1934 год

XVII съезд ВКП(б) утвердил второй пятилетний план развития народного хозяйства на 1933—1937 гг.

ЦИК СССР принял постановление об установлении высшей степени отличия — звания Героя Советского Союза.

А. М. Горький сделал доклад о задачах совет-

ской литературы на Первом всесоюзном съезде советских писателей.

Советский Союз вступил в Лигу Наций.

Седьмого декабря СНК СССР принял постановление «Об отмене карточной системы по печению хлеба, муки, крупы и систематическому отворачиванию хлебных технических культур».

1935 год

В Москве открыта первая очередь метрополитена.

Рабочий шахты «Центральная Ирменко» Алексей Стаханов установил мировой рекорд добычи угля: за шестую, седьмую, восьмую и девятую смены — в сумме в 14 раз. Начато стахановское движение.

1936 год

«Чрезвычайный VIII съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

Принят Конституцией (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик в редакции, представленной Редакционной комиссией съезда, утвердить:

Принят съездом.

Москва, Кремль. 5 декабря 1936 г.»

Неожиданно в рассказах обоих проскользнула любопытная деталь: вместе со значками давали талон на торжественный обед, который состоялся после митинга. Машинально спрашиваю, чем кормили. Оказывается, каждому подали: по две бутылки пива, по четвертинке водки, тарелке борща и по две котлеты с макаронами и картошкой. «Вот такие котлеты, ну, прямо в ладони!» — с восторгом вспоминает Василенко.

«...Пройдут года. Великая Советская страна наша построит еще более грандиозные станции на Волге, а потому на Ангаре, но навсегда в памяти трудового народа останется великая и прекрасная поэма строительства самой крупной в мире гидроэлектростанции на Днепре».

Меня на работу не взяли, — роняла, — сказала Баренце, — прелесть была, работая на станции, только семью оставил в деревне, а сам ушел в Ставropol. В ночь на воскресенье тоже августа заступили мы на смену, а в понедельник утром, в 10 часов, в районском направлении. — Кривой Рог вроде бы и далеко, но если и он погаснет, то не успеем, значит, придется наступать. Мы тогда и не знали, что они выбросили десант с орудиями, и мы не успеем, значит, придется наступать. Но мы еще день работали, а потом поехали в Ставropol, чтобы вывезти станцию из строя с танка расчетом, что можно было заехать в Ставropol, а там и уехать. Сняли мы масло из подшипников и подшипники, пустили турбины на холостой ход, но не успели даже домой не успел сбежать, как был на смене, так и ушел. Приказали выехать в Ставropol, а там и уехать.

...а тогда через два сдана первую партию. Тут новый приказ: делайте автоматы ППШ. Делали автоматы. А потом, наконец, послали меня на монтаж гидростанций. Их на рене Чирчик и других реках целый каскад построили. Не очень мощные, правда, но все-таки электротрансней эвакуированные заводы питали. И агрегаты на этих станциях тоже были эвакуированные с Туломы, Свири. Так всю войну в Средней Азии и строил.

Подступы к нему считались непроходимыми. Еще с 1939 года минны оставались. Да и новых немцы набрасали, сетей наставили, поэтому фашистские транспорты в залив ходили без опаски. Не знаю как, но мы все-таки пробрались. Всплыли под вечер, видим: рядом с нами идет немецкий транспорт. Пустили торпеду, из пушки ударили, а сами под воду, знаем,

— Скажите,— говорю я,— это была та самая «С-13», которой командовал Маринеско?

вместе и прослужили одним и тем же экипажем.

Так вот куда закинула судьба днепро-
ростроевца Костю Василенко. «С-13»!
— Расскажите,— прошу я,— о той
операции, когда потопили «Вильгель-
ма Гуслова». Трудно было?

— У подводников все операции трудные. Но как-то привыкаешь.

Так вот, десятого января сорок пятого года мы заняли позицию у входа в Данцигскую бухту. Шторы, снег, отвратительная видимость. Приблизительно там, двадцати дней с нами никого не встретили. С немцами и тому времени спесь уже сбилась. Далеко в море они уходить боялись, все жались к берегам. Тут в случае чего и своя артиллерия поможет и авиация, да и спастись легче. Вот Маринеско и

Мы успели войти в 10—12 от батареи. Спустился сразу зашел огромный транспорт в сопровождении конвои, который двинулся на запад являл в восток от нас. В надводном пространстве не было видно Штурм. Снежные заряды время от времени скрывают конвой, но, когда чуть прояснится, видим, что расстояние сокращается. Зашли мы со скоростью 10 км в час. По дороге пустился транспорт примерно на три километра — и залп трепала торпеды из носового аппарата. С такого расстояния не промахнешься. Не успев ни секунды, конвои нырнул нырнуть нас мористе, а мы, наоборот, погрузились.

Герои Советского Союза В. П. Чкалов, Г. Ф. Байдунов, А. В. Беляков совершили беспосадочный перелет по маршруту Москва — Портленд (США) через Северный полюс.

Введен в эксплуатацию канал имени Москвы.

1938 год
Красная Армия разгромила японские войска, вторгшиеся на территорию СССР у озера Хасан.
Мухомор Владимирский, Верховного Совета СССР

Выдан первый никель на заводе «Североникель» в Мончегорске и на Южно-Уральском никеле-

С 10 по 21 марта в Москве проходил XVIII съезд ВКП(б).

В районе реки Халхин-Гол Япония совершила провокационное нападение на Монгольскую Народную Республику. Объединенные советско-монгольские войска разгромили захватчиков.

Открыта Всесоюзная сельскохозяйственная выставка в Москве.
Построен Ферганский канал.

Первого сентября фашистская Германия напала на Польшу. Началась вторая мировая война. В тот же день внеочередная сессия Верховного Совета СССР приняла «Закон о всеобщей воинской обязанности».

1940 год
В состав СССР приняты Литовская, Латвийская

Карельская АССР преобразована в союзную
Карело-Финскую ССР.

Введены в эксплуатацию железнодорожные линии Волочаевка — Комсомольск-на-Амуре, Улан-Удэ — Наушин, Караганда — Балхаш, Уральск — Иваниц. Врогь — Ленинградск.

Вступили в строй Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат, Уральский алюминиевый и первая очередь Ново-Тагильского металлургического завода.

Началась Великая Отечественная война Советского Союза с гитлеровской Германией и ее сателлитами. С первых дней советский народ грудью стал на защиту Родины. Миллионы патриотов подали заявление с просьбой направить их на фронт. По инициативе трудящихся был создан фронт добровольцев страны. Только на сверхенири дружились было построено 2 556 самолетов. В этом тяжелом году была одержана первая стратегическая победа — под Москвой развеян миф о «блицкриге».

ОБЪЕДИНЕННЫЙ СЕКТОРЪ

Комсомольский характер

A black and white portrait of a man with short, dark hair, looking directly at the camera. He is wearing a dark jacket or sweater. The background is a textured, light gray.

Сергей НИКОЛАЕВ

Мы, журналисты, часто слышим: напиши о таком-то — он очень интересный человек, столько видел, столько испытал, прошел огонь, воду и медные трубы. Действительно, люди необычной судьбы, за плечами которых яркая жизнь, — клад для нашего брата.

А что можно рассказать о человеке, вся биография которого укладывается в одну-две странички? Родился, учился в школе, пошел работать на завод, поступил в институт... Что можно рассказать о человеке, жизнь которого только начинается, который только стоит на пороге своей биографии?

Секретарь Таллинского горкома комсомола
Дмитрий Страшевский сказал мне:
— Напишите о Рейне Ноккуре.

— А чем он знаменит? — спросил я. — Совершил подвиг? Установил мировой рекорд? Выучил пятьдесят языков? Что он сделал такого?

— Он заводской комсомольский секретарь. Хороший секретарь. Один из лучших в Таллине. А кроме того, спортсмен, рационализатор и вообще интересный, разносторонний человек. Я вас позна-
комаю

Рейн оказался высоким парнем с большими, рабочими руками, с добрым, спокойным лицом. Серые глаза внимательно и как-то настроенно смотрят из-за стекла очков. Узнав о причине знакомства, страшно смутился и, словно отвечая на вопрос, который я раньше задал Страшевскому, заявил:

— А зачем обо мне писать, ведь я ничего такого не сделал!

1942

Чтобы сброс фашистских гримол,
Не успев отпугнуть назад,
Волны кости свои сложили
У священных ваших оград.
Вот зачем на север бегут

Кавказстанский вель колени,
Вот зачем Неву бегут
Ваши набережных края,
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

Ярослав СМЕЛЯКОВ

судья

Упал на пашне у высоты
суровый мальчик из Москвы;
и тихо сдвинулась пилота
с пробитой пулей головой.

И если, правда, будет время,
когда людей на Страшный суд
из всех земель, с грехами всем,
трекратно трубы призвуют,

И, уходя в страну иную
от мест родных невдалеке,
он зметло теплоту, сию
сжал в состояющей руке.

предстанет за столом судейским
не бог с туманной бородой,
а паренек красноармейский
под потрескающей толпой,

Горсть отвоенной России
он закроет на память взять,
и не сумели мы, живые,
те пальцы мертвые разжать.

держал в своей ладони право,
помолот нещадным в бою,
не сослалы небесные плавы,
а землю русскую свою.

Антанас ВЕНЦЛОВА

НА ВОЛГЕ

Слышно в камюте, как дышит огромная Волга.
Звездам погасли над нами огни за деревом.
Ветер притих на рассвете, усталый и волный.
Слышится: ранняя птица кричит за рекой.

Гость из далеких краев на реке этой светлой,
Долго смотрю я на волжской волны свечой.
Как стокосвался по родине я и по ветру!
Хочется мне, чтоб летел этот ветер в Литву...

Снова я слышу загубленных братьев стонанье,
Како далеким до родины Литвы расстоянье.
В голоса чайки мне слышится отзывок мольбы.

Всюду туманов развешанных сызме сетки,
Волны моря по волжским берегам, на рассвете —
Песня народа и образ народной борьбы.

Перевел с литовского Л. ОЗЕРОВ

Джамбул ДЖАБАЕВ ЛЕНИНГРАДЦЫ, ДЕТИ МОИ!

ОТРЫВОК

— Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск неясной струи.
Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческого я скопуюсь,—
Взгляну сюда, ваших мостов,
Зорь балтийских голубизну,
Фонари вечерних ром,
Золоченых крыш острия...

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Не затем я на свете жил,
Чтоб разбойничий чутый смрад;
Не затем вам, братья, служил,
Чтоб забрался ползуний гад
В города сказочные, города-сад;
Не затем и тебе, Ленинград,
Взор Джамбула приворожил!
А затем я на свете жил,

ХРОНИКА ДЕСЯТИЛЕТИЯ

1942 год

В колхозе Горьшань, Ярославской области, было принято решение засеять 20 гектаров обороной. Вскоре такие «гектары обороны» появились повсюду. Одна колхоз-миллионер имени Фрунзе, Казахской ССР, дала 2300 центнеров зерна, выращенного по почину ярославских крестьян в фонд обороны.

В начале войны колхозники артели «Гиганты», Аларского аймака, и железнодорожники станции Иркутск-2 обратились с призывом к народу — собирать теплые вещи для Красной Армии. Только иркутские собрали 11 тысяч полушубков, и 26 600 пар валенок.

1943 год

По почину трудящихся Куйбышев был создан особый фонд главного командования вооруженных сил — за счет перевыполнения каждым заводом государственной программы, а также за счет сдачи сверхплановой продукции оборонных заводов. Добровольческий танковый корпус и особый стрелковый Сибирский корпус, а также Казачье кавалерийское соединение были полностью укомплектованы боевой техникой и боеприпасами за счет особого фонда, куда внесли свою лепту

рабочие Пермской, Свердловской и Челябинской областей.

Самые 2 500 шефских концертов в частях действующей армии и для моряков Черноморского флота дали в 1943 году артисты Грузии.

1944 год

Подвиг Матросова повторили более двухсот человек, среди них узбеки Т. Эрджижитов, Т. Рустанов, украинцы Ф. Горбань, В. Колесник, белорусы П. Аварков, С. Коваленко, казахи С. Баймагбетов, Ж. Молдагалев, армяне У. Аветисян, Г. Колосов, эстонцы И. Ляар, Я. Кенар, татары Г. Гафиятуллин, Б. Шалаев, киргиз Ч. Тулебердиев, молдаване И. Салтыс, русские С. Акфиев, И. Бабин.

Храбро сражались с врагом войны национальные соединения Советской Прибалтики—130-й Латвийский стрелковый корпус, гвардейский Эстонский стрелковый корпус, 16-я Литовская стрелковая дивизия. Войны стрелковая Литовская корпус укомплектованы в сравнении под Москвой. Старой Руссой, на территории Латвии. Более двадцати тысяч бойцов и офицеров корпуса награждены орденами и медалями. От Волги до Балтики прошла 16-я стрелковая Литовская дивизия, 14 тысяч ее солдат и офицеров удостоены правительственных наград. Активное участие в разгроме Курляндской группировки противника и в освобождении Советской Эстонии от врага принимал Эстонский стрелковый корпус. 20 тысяч его бойцов отмечены наградами Родины.

При обороне Ленинграда 19-летний снайпер, белорус, Герой Советского Союза В. Смолчачев

уничтожил 125 фашистов, а его земляки, летчик-истребитель А. Горовец в битве на Курской дуге летом 1943 года в одном бою сбил 9 самолетов противника. Это единственный в мире ас, совершивший подобный подвиг. Постhumo ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Освобождая от врага Советскую Украину и Советскую Белоруссию, бой с боями были многонациональной Красной Армии. Так, в боях за освобождение Белоруссии особую отвагу проявили: русские Юрий Симаров, погибший под пытками, Константин Кузнецов, закрывший собой амбразуру, Анатолий Угловский, бросившийся с гранатами под гусеницы танка; украинцы Леонид Винер, казак Сундукиев Исхакел, грузин Василий Кемчидзе, узбек Янузов, латыш Ян Фогель, азербайджанец Рафиев Наджим, подобно русским братьям совершившие беспримерные подвиги.

1945 год

Солдаты и офицеры ста национальностей награждены орденами и медалями за боевые подвиги. 11 603 солдата и офицера получили звание Героя Советского Союза. В том числе: 3 460 русских, 2 069 украинцев, 309 белорусов, 161 татарин, 108 евреев, 96 казахов, 90 грузин, 90 армян, 69 узбеков, 61 молдаван, 44 чуваша, 43 азербайджанца, 39 башкир, 32 эстонца, 18 марийцев, 18 туркмен, 15 лезгинцев, 14 таджиков, 13 латышцев, 12 киргизов, 10 немцев, 10 удмуртов, 9 эстонцев, 9 карелов, 8 калмыков, 7 кабардинцев, 6 адигенцев, 5 абхазцев, 3 якуты...

За время войны в партию вступило около 4 миллионов военнослужащих. 60 процентов из всего состава парти было на фронте. Если в годы гражданской войны на каждые 100 бойцов прик-

НЕ ВЕРЫ

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Устал он, отстал он, устал»...
Не верь, дорогой! Слово такое
Не скажут друзья, если верят в меня.

Кровью со знаменем клатва зовет:
Силу дает мне, дышит, не устает!
Так впряме ли я устал и отстал?
Так впряме ли я устал и не встал!

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Изменили он! Родину предал»...
Не верь, дорогой! Слово такое
Не скажут друзья, если любят меня.

Я взял автомат и пошел воевать,
В бой за тебя и за родину-мать.
Тебе изменять и оглашать не смей!
Да что же останется в жизни моей!

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Погиб он, Муса уже мертвый»...
Не верь, дорогой! Слово такое
Не скажут друзья, если любят тебя.

Холодное тело засыплет земля,—
Песнь огнемую засыплет земля!
Уши, победы, и кто тебя мертвым
Покажет назвать, если был ты борцом!!

Перевел с татарского И. ФРЕНКЕЛЬ.

Карло КАЛАДЗЕ

Артиллерийская дуэль

Мы видели смерть. И запомнили мы:
Глаза у нее не мышиные норы,
Но вспыхивали молнии разлик из тьмы
И жарк раскрасил вокруг ее взоры.
В ружьях ее не было волею кино,
Она не сверкала костером близкою.
Но красил убийство в эти часы,
Озвобождал, прятая за скалою,
И киула, жадная, на блиндажи,
И глыбы каменные рвала и дробила
И словно кричала:

«Вот тут я и лежи,
Здесь взорота моим котгамм могила»...
Мы видели там: командир молодой
Стоял, со своим разговаривал взводом.
Но не оглянувшись, лавину ружей,
Кипушущая дыш, отстрелил миномодом.
Потом на скале величаво он встал,
Как будто бы сам он скалы той потюмок.
И саж из гранитных он вырублен скал,

Сам мощен он, словно великий обломок.
Орудия упили беседовать с ним,
Орудия слова ему были знаменья,
Его обкламывали дулом дым.
На горот он обрушил ответные громы.
Все солонки застыли средь танюты,
Все стерло, во мране ноюном потюнуло,
И аторили славные родные требы.
Во сне отголоском дальнего гула,
И аторили горы и спавили бой.
Врагов озверелих неустойкой приступ
Обили в ту ночь неустойкой палубой
Грузинские славные артиллеристы.
Враскала на горы смерть тысяч раз
И тысяч раз отступала той ночью.
Мы смерти победили.

Свободен Кавказ!
Мы это увидели утром воочию.

Перевел с грузинского С. СПАСКИЙ.

СЕСТРА

Когда, упав на поле боя —
И не в слезах, а нараву,—
Я вдруг увидел над собою
Живого взгляда синею.

Когда склонилась надо мною
Страдания моего сестра,—

Боль сразу стала не танюю!
И не в слезах, не так астра.

Меня как будто оросили
Живой и мертвовой водой.
Как будто надо мной Россия
Склонилась русой голоюю...

Евгений ЕЛИСЕЕВ

СТИХИ Сорок Второго года

«Унесли скорпионы и точка,
Голос горя не слышен орест.
Утро шловошным платочком
Вытрит реки горячие слезы.
П. Ш у б и н.

Еще одна страница
Из фронтовых времен...
Покой нам только снится,
Как блоку снится сон.
Опять война без спроса
Рассталаивает сны.
И в облаке мороза
Являясь старшим,
С закусочной солений,
Призванному в полу,
И тот мешок солонки
На земляном полу.
И тараный шорох
За печкой, где тепло.
Артиллерийский порох
Не только шел во зло.
Подползши на растопку
Дескам жареном,
А сам в носу раскопкой
Ведешь, как фон-барон.
А старшина, свой парень,
Обдерши в пелену дров.
Он ветром ошарен
И белобров.
Положит полковник,
Картофель платок
На вырванный из книги

Кошутинский листок.
Всего одна страница,
А сколько было их!
«На нувево годится,
Где, какой-то стыл!
Четыре автоматные, короткие
строки,
Четыре безымянные выскоти
у реин.
А я еще не знаю, что встречу,
доживу,
И с тем, кого читаю,
Увижусь нараву.
Вскнет звезда над жаром,
Где сходится весь путь,
Означенный пунктиром
Трассирующих пуль.
Восточный череп джота
Мы видим из окна.
Не молнит горизонт
Басовая струна.
От этой иерной дрожи
Оконного стекла
Мне во те крат дорожке
И эта горсть теплоты,
И та пора вняде,
Когда мы жили внапасть.
Она, как наводнение,
Фашистская напасть.
Мелькнул дым, как свам
Снеженного веса,
Уандиса ли с вами,
Родимые места!

дилось 3 членов партии, то в Великую Отечественную — 25.

Тринадцатого сентября «Правда» опубликовала сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. По данным этой комиссии, оккупанты разрушили, сожгли и разграбили на территории СССР 1710 городов, более 70 тысяч сел и деревень, уничтожили полностью или частично 31859 промышленных предприятий, 63 тысяч километров железнодорожной колеи, разграбили 98 тысяч колхозов, 1876 совхозов, 2890 машинно-тракторных станций. Общие потери СССР составили 2 600 миллиардов рублей (в довоенных ценах). Иначе говоря, война нанесла нам урон, который почти в пятнадцать раз превышает годоводой доход государственного довоенного бюджета.

Государственный комитет обороны принял постановление о перестройке промышленности в связи с сокращением производства вооружения. Решительный поворот к экономике мирного времени привел к тому, что уже осенью выпуск гражданской продукции превысил по объему военное производство.

1946 год

В марте первая сессия Верховного Совета СССР второго созыва приняла четвертый пятилетний план. Этот план предусматривал ускоренное развитие советской экономики, подъем жизненного уровня народа, укрепление оборонной мощи страны. Уже в 1949 году промышленность должна была достигнуть довоенного уровня, а к концу пятилетия превзойти его на 48 процентов.

В декабре в СССР был пущен первый в Европе атомный реактор.

1947 год

В декабре осуществлена денежная реформа и отменена карточная система на все продовольственные и промышленные товары.

В марте воины вступили в строй первая турбина Днепротреста.

1948 год

В ночь с 6 на 7 октября сильное землетрясение, достигавшее 8—9 баллов, обрушилось на Ашхабад и его окрестности. Жители многих кварталов и прилегающих к ним селений остались без крова. В кратчайший срок развернулось большое жилищное строительство. Вся страна пришла на помощь. Пионеры и комсомольцы Украины и Белоруссии, Грузии и Узбекистана послали своим товарищам в Ашхабад тысячи писем и телеграмм. Строители Ленинграда взяли на себя обязательство досрочно выполнить заказы для предприятий Ашхабада.

В результате трудового героизма масс был превзойден довоенный уровень производства в промышленности всей страны.

1949 год

Производство чугуна, нефти, кирпича, бумаги достигло уровня 1940 года.

Весной этого года каждый третий рабочий промышленности был станковцем.

Выпуск промышленной продукции в освобожденных районах на 6 процентов превысил уровень 1940 года.

1950 год

В июне был введен в строй последний агрегат Днепротреста.

Советский Союз вышел на первое место в Европе и на второе в мире по выработке электроэнергии.

Валовая продукция промышленности превзошла довоенный уровень на 73 процента (вместо 48, намеченных контрольными цифрами).

В восточных районах страны было добыто 44 процента всей нефти против 12 процентов в 1940 году.

В августе шахзатский экскаватор, созданный под руководством конструктора Б. И. Сатовского, вынул первые кубометры земли на трассе Волго-Донского судоходного канала.

Производительность труда в промышленности (в расчете на одного работающего) была на 45 процентов выше, чем в 1940 году, в строительстве — на 25 процентов. В целом четвертый пятилетний план был выполнен досрочно — за 4 года 3 месяца.

1951 год

Двенадцатого марта, выразив волю и чаяния трудящихся, Верховный Совет СССР принял закон о защите мира. Провокация войны объявлялась тяжким преступлением против человечества.

ОНИ ОСТАВАЛИСЬ ТОЛЬКО ТРЕ...

РАССКАЗ

Чего же от них хочет Хачибулли? Неподвижно, серым камнем сидит он у пулемета, нагнув шапку по самые брови. Василий и Завен в точности выполняли приказ старшего лейтенанта: развернули пулеметы таким образом, чтобы можно было и держать оборону и обмануть немцев. Пусть думают, что здесь не трое раненых, а по крайней мере десять — двенадцать пулеметчиков. Подступы к высоте — к этому альсому бугру, похожему на притоптанного нырнувшего моржа, — были темными от немецких мундиров. Этим уже не маршировать по наведенному погоню через речку дамбу, к Сталинграду.

Василий Романов и Завен Зотрибин позже Равиля Хачибуллина поняли, что высота оказалась ободенной противником за ночь, оставленной «на потом».

— Об этом не надо говорить, об этом надо мало говорить, — оборвал Романова старший лейтенант, когда Вася горло подавал черту: вот, мол, дожили, от своих оторвались и немцам ни к чему. Похвастаться не с кем!

Ясно, чего хочет Хачибулли, — неуспеваемое выполнение воинского долга. Что бы там было, а высота их, ни за нее стоять.

— Переживите ногу, товарищ старший лейтенант, — сказал Завен, и смуглое его лицо зарделось, как у девушки.

Завен как раз в июне сорок первого дал свой дипломный виватгради — в техникуме считали, что у него дело пойдет. Романов в эту пору был производником геологической экспедиции на Адаане, а Равиль работал мастером на шахте. И теперь у него было такое же состояние, какое бывает у шахтеров, отрезанных обвалом от всего сущего мира, задымленных без воздуха. Равиль здесь, на высоте, не хватало воздуха при одной мысли о том, что немецкие танки подошли к реке, через которую уже наведен погоню, а сообщать своим не удастся: рация покалечена осколками.

Завен, Равиль и Василий — трое из погибшего здесь звзда — понимали, что высота одарит каждого последним глотком холодного к зиме воздуха. И каждому будет где упасть, чтобы и мертвым ощутить близость земли и Волги, которую не отдадут, не должны отдать наши.

Равиль вспоминал, как его, задымленного, вытащил из завала такой же, как Романов, детина. Вытащил и свалился замертво, не выдержало сердце. Никогда не знаешь, кого подстергает беда в первую очередь. Сейчас бы старший лейтенант, не задумываясь, отдал свою жизнь за этого вот Завена, если бы того потребовали обстоятельства. Но об этом не надо думать, об этом надо мало думать. Пожалуй, хуже всего придется здесь тому, кто останется последним. А Завен удивительно похож на младшего брата Равиля, Султана. Султан погиб в первые минуты войны на позориставе. Смертью храбрых. О них вот могут так не сказать: и высота безымянная, и немцы ушли вперед, оставив ее в тылу...

Равиль отступил назад и начал взрывать неподатливую мерзлую землю. Василий и Завен с изумлением следили за ним, не понимая.

Вышел яму, Равиль покосился в вышине и извлек оттуда холодную рубашку. «От дела достался!» — проворчал старший лейтенант. Был у них в завале такой Капешаров, содает пятидесяти семь лет, разный добровольец, «ада»...

Кажется, немцы зашевелились внизу, — все трое напряглись, прислушавшись. Но снова стало тихо.

— Дай сюда твой комсомольский билет, Зотрибин, — сказал Равиль, — а ты, Романов, красноармейскую книжку.

Равиль Геннадиевич НОВОХИЛЕНКО

Они исполняли это и, когда Равиль рванул холащевину, поняли, что он задумал: сейчас старший лейтенант достанет свой партбилет и вместе с их документами завернет в серый и прочный холст, потрескивающий на ветру. И закопает, чтобы когда-нибудь люди узнали о них: о красноармейце Романове, комсомольце Зотрибине и большевике Хачибуллине.

Они это понимали с твердостью и сложившимся, как очень и очень древние старики в деревне, не боившимся смерти. Война стирает высокие и тревожные представления о конце жизни, оставляя жестокость и ненависть к врагу и желание как можно дольше продержаться, чтобы опять же затруднительнее была задача врага, пока еще продвигающегося вперед по этой сетаской земле.

Когда Равиль разрывал землю, закопав холащевину, Завен машинально снял шапку.

— И никто не узнает, где могила моя, — вздохнул Романов.

— Мы еще подеремся, — сдвигая густые и кустистые брови, сказал Завен, а шапку сжал так, что косточки пальцев его побелели.

— Рация не наладит, — устало сказал Равиль. — Зато есть у меня одно на уме.

— Челнок? — быстро сообразил Романов, и рабочее его лицо сделалось добрым и унылым, как у ребенка, хорошо понимающего, чего от него хотят взрослые.

— Да, челнок, — сказал Равиль.

— Какой челнок? — вскинула брови Завен.

— А такой, — прикурывая папироску от папироски, сказал Романов. — Я на Севере птыок лет золотили миа. Однажды пришлось с мишенью встретиться. Помню, меня рыжик черт, медведь. А со мною мушкетерская бригада, золотишка грамм триста. Куда деваться? В лодку? Одному-то! А если сознания лопнулось? Все стигнет. Да и ребята нехорошо подумают.

— Ты долоз до берега, — медленно сказал Хачибуллину, — записочку в лодку — и толкнул ее вниз по течению...

Завен галуха и небо. Закапалась змеялка, охал в кустарнике ветер, в ушах гудело от недавно схлынувшего и оставившего их еще пожиг боя.

Чего хотелось Завену? Он хотел бы посмотреть на девушку, которую так и не успел встретить. Какая она все-таки? Спит ли каждый раз непохожая. Чаше — круглолицая, с косой и три колца, отчего лицо ее острее, а глаза неукротимые... Ничего-то не успел Завен Зотрибин в мирной — первой своей жизни. Да и вторая — главная, военная, его жизнь — начиналась не блестяще.

«Стреляй, говорю!» — кричал старшина, а у Завена в глазах пелена какая-то. «Почему не стрелять?» — спрашивала его. Он не знал, что ответить. Он помнил только: враг бежал востручу, тоже еще не успел сделать выстрела.

Вспоминать об этом не стоит. В первой же деревне под Москвой, которую они отбили у немцев, на площади Завен увидел повешенных. И у него так сложилось сердце, как будто и он причастен к чему-то чудному и страшному: ведь не сумел убить первого своего врага, не то чтобы не успел, а именно не сумел.

Его вовсе не утешало, что и кое-кто еще смел этого сделать: миа стреляла плохо, сам становился фашистской мишенью. Но за того первого, не доставившего ему, Завен Зотрибин положила столько, что ими можно опоясать не одну такую высоту...

Снова они все разом насторожились. Романов пристал, Хачибуллину социури, узили глаза, а Завен, подхвистав инстинкту, легко вскинул тонкое свое тело и вскарабкался на мертвое дерево, обожженное немецкой миной.

Небо гудело: это шла наша — бомбить. И то, что увидел Завен, заставляло его взвешивать: черепная под откосом лодка, из которой вылез немецкий солдат с ведром. Он поспешно взобрался на несколько десятков шагов вверх по высоте и, повесив ведро на березу, кинул туда зажженную спичку. Огонь схватил первый глоток торжющего — ведро с торжющим, но иначе... — и полыхнула над перелеском. Это ложный сигнал. Любой из летчиков знает, что наши разведчики именно таким образом помогают определить точку бомбового удара. Высоту разнесут в два счёта, а понтон и танки, кое-как замаскированные подальше, останутся. Бесславная, однако, гибель ждёт Завена, Равила и Василия!

— Можно мне, товарищ старший лейтенант? — Завен утирал ладонью лицо истощенной сажей.

— Нет, Завен, ты не пойдешь, — сказала Романов, — я успею пожить и нагрешить немало, ты жизни нужнее. Товарищ старший лейтенант, разве не ясно, что должен идти я?

— Сауная мою команду! — Хабибуллину напрялся. — Зограбяну ликвидировать сигнала, Романову захватить лодку. — Он протянул ему свой планшет. — Я оставлю для прикрытия здесь.

Он стоял над свежей лункой, куда закопал, а потом снова раскопал и вынула завернутые в холщевый документ... Романов и Зограбян нырнули в темноту. «Мы еще повоюем!» — с новой и осязающей силой подумал Равил, прикинув к оставшемуся пулемету.

Когда в широкое прокопание зашла, обвиняла в случившемся молодого мастера Хабибуллину. Он ушел в степь и через такую же ночь — обжигающую первым ветром зимы — шел и шел к станции, решив никогда не возвращаться на «Лигант-2».

В какой-то лихорадке добирался до города — без билета, без денег, без документов. И то парня, что вынес Равила, а сам утла, чтобы не встать, будто склонился над третьей вагонной полкой, русая вальская прядь падала ему на лоб, и любимая его фраза витала в воздухе: «Мы еще повоюем... Мы еще порубаем...»

«От себя бежишь, Равил!» — жестко говорил он ему. — А к себе возвращаясь, одумавшись, поздно будет. Один на один с собой — и крутом на души. Поймай! Один...»

Равил возвращался на шахту...

Романов полз неподдающему от Зограбяна, отчетливо понимая, что через несколько секунд пути их разойдутся. А если немец первым заметит Завена? И если убьет? Разумно ли решение старшего лейтенанта и можно ли рассчитывать ничтожные его силы?

Завен полз беспомощно, изгибамся, все удаляясь, и удалялся от Раскала. Попазил Василий садом, Хабибуллину, если они останутся живы, отдаст его под трибунал. За невыполнение приказа.

Но как же оставлять малышку-одног?

Презрительный, со шрамом на шее, исповешный от тревоги и быстроты броска по жесткой и холодной земле, Романов не управляла собою — он знал, что ползет сама в сад, за своим товарищем.

Пот застала глаза. Романов нервно и боялся отстать. Наверное, подумал он, сейчас я и есть тот самый мускустый овчечик из зоопарка! Была такой был с обреченным красно-зеленым оком. У Романова была открытка из того зоопарка, и он подарил ее сестричке-медичке с надписью: «Это, сестренка, — Романов».

Нет, не отбаст Васька Романов задохшего жизнь Завена. Он помнил, как отдавал Зограбяну свой котелок: мало ел он, жгло и болеало после еды, а Завен принимал похлебку, потому что аппетит у него, как у дедушки-молотобойца, прославившегося своим кузнечным мастерством на всю округу, — второго такого, по рассказам Зограбяна, не было. А как Василий старался отучиться от душной своей привычки ругаться и к случаю и не к случаю! Ведь Завен однажды чуть не плача объяснил Романову, что человека, вырвавшегося грубо, прокинутого в Армению. А в другой раз схватился за нож: писал матери письмо в Дилижан, а Романов... Не помнил Василий родителей, рано потерял их и попал рядом с Завеном, что был до войны одинок, ненадежен, слаб на всякие соблазны. А война отрубила все это. Вот когда пошла Романов, как он был одинок.

Самолеты теперь гудели почти над самой головой. Сейчас занесут высоту... Завен приближался к дереву. Языки огня выхватывали из мгла клочки снега с черными дырами от разрывов бомб. В Дилижане — разноцветный снег. Сложные холсты, положенные к расцвету и привнесшие от гор свечение бледно-розового мрамора. А ему, Завену, казалось это обычным, и даже Севан, семь раз на дню меняющий окраску, когда из нежной воды вылетает розовая, как снег, форель. Он все мечтал покататься на лыжах. Не один. И как-то шел по аллее незнакомки, улавливая приятный запах ее духов. И старался догнать ее, хотя она, заметив Завена, замедляла свой бег.

Ему тогда, пожалуй, было страшнее, чем теперь. А сейчас страх ушел. — Возьми рогатину! — услышала Завен голос Романова, сия полыхающий факел и подала его так аккуратно, как будто делала это каждый день.

Но было уже поздно. Самолеты разворачивались над обреченной высотой. И тогда Романов схватил расклевное ведро и, задыхаясь, побежала к понтону. Лишь один раз он обернулся: бомба разорвалась близко, но не настало, чтобы достать до него. А березу срезало осколком. Заметил ли Романов, как Завена ударила она? И хлывнувший сверху снег падал Завену на лицо и не таял!

Хабибуллину видел: живой факел — Романов — выскок на берег и, метнувшись к лодке, накренился над ней. Затем взбежал на понтон и упал, как скошенный. А вскоре бомбы дружно, как по заказу, разнесли это зыбкое на воде железо...

«Один на один с собой...» — жутко подумал Равил, и вдруг до физической боли захотелось ему увидеть зелено-серые цепи финских солдат. Бить из всех трех пулеметов. И кровью истекая, бить. И потом, умирая, тоже...

Внезапно взрывающая волна подбросила его, он поклатился по скалону, ощущая всем телом, что высоты уже нет, и ничего нет вокруг, кроме сполохов от разрывов. А потом он, изувеченный, но еще живой, полз к немецким танкам. Последняя граната старшего лейтенанта взорвала бенобак крайней машины...

А утром возле деревни Бея Галина шла содаты поймали пустую лодку. Романов швырял-таки туда плашет Хабибуллину.

В нем валял окровавленные документы трех последних защитников безмятежной высоты...

Авторизованный перевод с армянского
Александра БОГУЧАРОВА.

Комсомольский характер

Зимья Гусейнов, прилежный ученик, учительский сын: отец преподавал математику, мать — русский язык. Зимья Гусейнов, обладавший фотографической памятью и легко получивший пятерки, не получал до поры удовлетворения.

Он не получал удовлетворения, потому что еще ни разу в жизни ему не удалось, как он теперь говорит, «заглянуть внутрь микромира», а доводилось лишь скользить по поверхности.

Все шло хорошо, все шло благополучно и в университете. И, может быть, Зимья стал бы благополучным физиком, если бы на его пути, как пороги на реке, не оказались эти «квантовые явления». Зимья разозлился собственным бессилием. Он ничего не понимал, а «сфотографировать» в мозгу и пересказать на экзамене было уже невозможно — предстояло постигнуть.

Теперь этот юношеский конфликт Зимья вспоминает с улыбкой.

— Это было столкновение с непонятным, — говорит он.

Мы сидим и неторопливо беседуем. Зимья — физик. Экспериментатор. Кандидат наук.

Однако, если утром встать у дверей института физики в Бакинском академгородке, мимо пройдет столько кандидатов наук, что сообразишь со счета. Почему же Зимья Гусейнов избран ими из собственной среды, выделен, почему он, а не кто-то иной сейчас комсорг института?

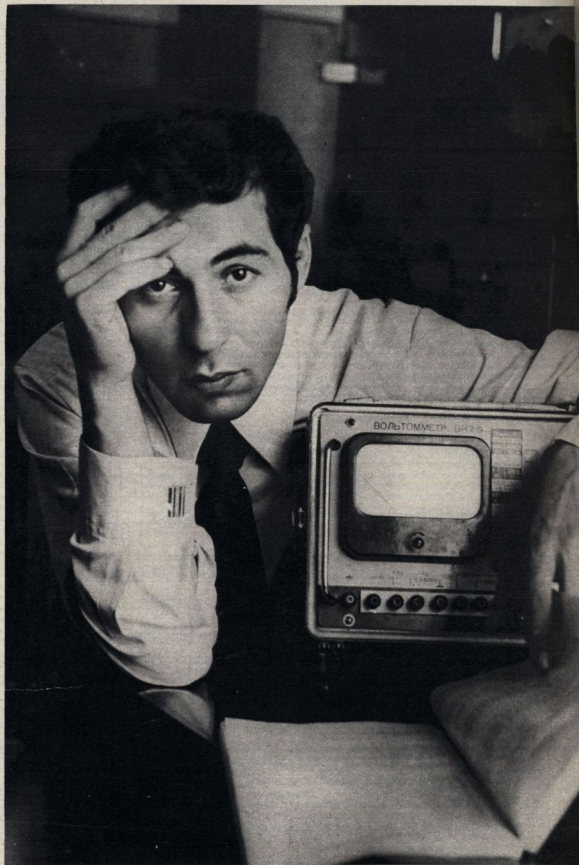
Лена Дадашев, бескорыстный служитель науки, аскетизм которого могут понимать или не понимать, а самого любить или недолюбливать, сказала так: «Зимья! Он шел к тому. Он что-то делал все время с собой. Я с ним учился в школе и в университете. Но потом он уехал в Ленинград. Вы поспросите его об этом периоде жизни. Где-то там загадка его характера, в Ленинграде...»

Комсомольский характер у физика — что же это такое? Суметь выделить полчасца для общественно-го «поручения»? Обнаружить в себе организаторские способности и, уступив науку ученым, стать в их среде администратором?

Жизнь физика Зимья Гусейнова — это как бы постоянные, чередующиеся один за другим выходы на арену, где неизбежно столкновение с чем-то таким, что заставляет человека делать выбор.

Первая пара лет в университете — это опьянение наукой, это неподдельная радость: «Я поступаю!» Однако, когда обучение переваливает на вторую половину, перед физиком вырисовывается не слишком радужная картина распределения. Младший вопрос: «Куда устроиться?». Физиков стало много. Приличное место обеспечено не каждому. Студент физик к концу учебы скучнее. Кто попрактичнее, упорно идет, куда пристроиться. Кто «породовитее» — надеется на родственников: «Помогите!» Идеалисты по-прежнему вгрызаются в науку — хмель первых студенческих лет их еще не оставил, они идут к распределению со спокойствием фаталистов. Зимья, захваченный врасплох нахлынувшей на него страстью постижения, жаждой все познать, все сделать своим, не успев подумать о реальных вещах, ждал их за порогом университета. Получая диплом, он по-прежнему считал себя полутормозным физиком и искренне удивлялся, когда ему сразу предлагали: «Поступайте в аспирантуру».

Он готовил диплом в Ленинграде. Люди, чья имена он произносил с благоговением, оказались рядом. Он мог прикурить в коридоре от сигареты в руках великого физика. Вблизи эти люди не были такими значительными, и легко было впасть в соблазн поставить себя на одну ногу с ними, принять их простодушный в обращении друг с другом тон. Многих сбивало с толку эта иллюзия раз-

вестства. Многие прежде времени уезжали в советскую значительность.

Эмиль скасал в комок. Первое время он был в каком-то состоянии помешательства: «Я ничего не умею! Я ничего не знаю. Я не ориентируюсь в современных задачах науки».

Мало что даже из близких друзей знал о нелегких размышлениях Эмиля. Напротив, когда он вернулся домой, в университет, многие были шокированы и восприняли как вызов его отказ от аспирантуры. Но разве скажешь вслух, что отказываешься потому, что не даешь покоя совесть? Что незнание совет под लेकर, как голод. «Нет» — почка головой Эмиль... Рано. Надо почитать. Почитать все руками...»

...Прошло несколько лет. Эмиль поступил в аспирантуру. Он решил учиться только в Ленинграде. Все это время он не терял новыми своими друзьями профессиональных контактов, читал их статьи, переписывался, навещал. Его с житейской прямолинейностью отговаривали: «Оставайся! Заприщипи и здесь...» Эмиль настаивал, пока директор института физики однажды пристало не спросить у него, как будто проинхнул мысленно в его замислы, и после минутного молчания сказал: «Поешай».

Выходя из кабинета, Эмиль подумал: «Он меня понаел».

Но радуясь предстоящей работе, той полной нагрузке, которую возлагал на себя на несколько лет, тем встречам, которые его обогатят, той атмосфере, в которую окунется, тому стилю, который станет и его стилем работы, Эмиль не мог предполагать, что на первой же ступеньке ему опять придется делать выбор.

«Значит, так», — сказал ему в Ленинграде. «Вот две темы. Выбери».

В большом северном городе никому не было дела до черноволосого, скагав сугубого молодого человека, задумчиво пешего по тротуару от рекламы улице, мимо красивых девушек в тени осенней листвы, мимо полных влечения извятий. Город ждал своей жизнью и не мог помочь Эмилю, решившему: «Взять традиционную тему? Сугубо, но уступивших намерения. Но они предлагают еще разбраться в явления новом, открытым недавно. Точки зрения расходятся. Не ринуться ли в эту пропасть?»

Жидкий гелий — капризная вещь! Четыре грамма, которых физика не хватало до абсолютного нуля, составляют физика относятся к нему с крайним уважением. Хранить в специальных дозах, окружая холодной азотной рубашкой, вакуумом. Полностью изолировать от света — излучение действует на гелий, как кипящая ванна... Когда Эмиль после своих полных смелости прогулок по Ленинградским улицам принял решение и сказал: «Да, давайте вторую тему...», он тем самым обрек себя на взаимоотношения с этим своеобразным веществом.

Два раза в неделю давали физика. Все время перестав Эмиль готовил эксперимент. Месяц за месяцем, а потом год за годом руки его привыкали выполнять тончайшую работу, а в характере появлялась завидная усидчивость, отягачивающая физика-экспериментатор. Работ с Эмилем работал Юрий Гаврилович Попов, в ту пору младший научный сотрудник, вернее, это Эмиль подлаживался к исследованию Попова. А лабораторией электронных полупроводников руководил Дмитрий Николаевич Насонов, что им было давно известно Эмилю и произносило было с благоговением.

Жидкий гелий и люди, работающие с ним, — вот учителя Эмиль... Но время шло, а стрелка синхронного детектора стала мертвой. Могло отжаться, если бесконечно савать гелий, готовить экспери-

мент десять, двадцать, пятьдесят раз, и не увидит, как дрогнет стрелка. А если она неподвижна, значит, эффект не наблюдается. Значит, верно то, что написано во всех учебниках и курсах по полупроводникам: никакого монополярного стационарного фотоэмиссионного эффекта быть не может...»

Но все расчеты Эмиля говорили, что стрелка детектора должна дрогнуть! Эмиль шел к физикам-теоретикам, просил их: «Помогите! Теоретики, эти таинственные, замкнутые кодуны наук, брали в руки мое, подходя к доскам, выкуривали несколько пачек сигарет, выпивали дожину чашек кофе и отвечали: «Теория верна, Эмиль! Значит, ты не выдерживаешь ее требований. Попробуй с другими кристаллами...»

Он не аскрипнул, не упал в обморок, не подскок к потоку — он просто какое-то время бесмысленно смотрел, как дрыгались маленькая стрелочка... Потом дал концентрированный свет на кристалл. И еще минуту молчал. Потом все как же сидел в неведении неподвижной, занятый каким-то делом.

Наконец Эмиль прорвало. Сомнений не было — она дрожала!

«Помогали! Эффект. Юрий Гаврилович!... Это был красивый эксперимент. Кому-то пришлось отказываться от своих теорий. Диссертацию Эмиль защитил блестяще. Четыре ленинградских года пронеслась, как четыре дня.

Быть хорошим физиком среди физиков очень непросто. Хотя бы потому, что физики делятся на экспериментаторов и теоретиков, и только Эпирко Ферми удалось быть теоретиком и экспериментатором и экспериментатором и теоретиком.

Но попробуйте быть у физиков комсоргом! Попробуйте быть среди них крутым, категоричным. «Очень скоро станешь совершенно одиноким», — сказал мне Эмиль.

Значит, микроток?

«О, нет!» — сказала Эмиль с улыбкой. — Физики — хитрецы! Кое-кто не прочь воспользоваться демократичностью и сесть на плечо. Сидеть на чужой шее неудобно, но так ли?

Что же тут нужно за сталь? Резкость оборачивается отчуждением, разрывом контакта со средой. Везде — бесприщипность. И опять перед Эмилем вырос барьер, который предстояло преодолеть.

Первое открытие в том, что физическом мире Эмиль сделал, поставив эксперимент над своим старым товарищем Лением Дадашевым. Ления еще в школе был выдающейся личностью. Дома у него отнимали книги, насильно тушили свет, указывая спать, а он изобрел специальный фонарик и читал под одеялом. Его мать звали Эмилю, который выглядел полной противоположностью, нормальным мальчиком, игравшим после школы в теннис, и прозвал: «Эмиль, прозвали Лению в кино!» В институте физики Ления за десять лет не поднализ высле мадшего научного сотрудника без знания. Его скромный народ, неприщипательный физик, аскетические потребности в житейских благих создали ему образ чужака, угадываемого в науку. «Он, теоретик, все такое... Понимать!»

Когда с Лением разговаривали на общедоступные темы — его все-таки понимали. Но его не понимали, когда речь заходила о работе. «Как так!» — удивлялся... С его мнением не добился кандидатской диссертации! Прекрасный физик...»

И пожимали плечами.

Эмиль в глубине души понимал своего товарища. Он видел, как шли к Дадашеву, в его комнату, к его грифельной доске, и пальцами и докторскую Шам на консулхатизацию, за советом, за оригинальным мыслям, за сложным расчетом, за смелой гипотезой. Эмиль видел этот скромный ежик волос, эту простую кобуйку и говорил себе: «Никому в голову не приходит задуматься о цели!»

Ведь точно так же смотрел на него самого: зачем за диссертацией ехать к Балтийскому морю? С какой стати тратить на нее столько? А главное — есть в эти дебри, в эти споры, в эти чуждые эксперименты, высасывающие из человека жизненные соки?

Когда стала суметь зародиться идея «малой академии» — идея собора талантливых, одаренных детей и заниматься с ними, развивать их индивидуальность, — Эмиль почему-то сразу вспомнил Лению: «Это дело для него...»

Сама по себе мысль была абсурдной. Ления Дадашев, который сторонился всего, что не было связано с его квантовой теорией поля, который удивляно, под взрыв смеха, тихо сказал на вечеринке в ресторане: «А здесь красиво!» — потому что, как оказалось, впервые посетил это заведение... — Ления Дадашев должен был понять Эмиль. Все началось с традиционных школьных олимпиад. В один из дней Эмиль встретил в коридоре Дадашева, поздравлялся, проводил его в комнату, где обитали теоретики, присел к нему в укромном уголке у окна и рассказывал о самом себе. О первом колоссальном конфликте. О летосчислении в родовых потерях, о скоплении по поверхности сти и драматическом столкновении с физикой.

— Я вырос в школе верхоглядом... Сколько способных мальчишек приучаются скакать по учебникам, а ведь не можно собрать вместе и научить думать. Сделай исследованиями, воспользовавшись их природными способностями. Мы научим с олимпиад. Понимем в школах. Ты поможешь, Ления? Надо пригласить замечка мальчишкам. Да и другой работы будет много...»

Эмиль знал: Ления добросовестен, когда касалось самого себя. Но, может быть, не было еще в жизни этого странного физика, отторгнувшегося от всего, кроме физики, чужого для бытребовалась добросовестность. Другого свойства? И вот Эмиль с удовлетворением отметил: на тей корысти, ни намека, ни попытка — Ления с той же научной страстью, с какой кидался на свою работу, вдруг вылез за эту общепринятую науку. Эмиль протронул для него дверь в неизвестный мир.

Трудно быть у физиков комсоргом...

Трудно, потому что надо быть еще и физиком. Я говорил со многими коллегами Эмиля. Мы присаживались где-нибудь в просторных коридорах Академии наук, или в не уютном конференц-зале, где все еще постукивает и лопызивается на руках платинков инструментом, мы присаживались на стулья, еще не покрытые лаком бруски паркета. На одну из ступеней, и молчаливо начинали перебирать пальцы, перечисляя достоинства, которыми Эмиль обладает.

Безузоричная честность, — говорил мне. — Физика ведь не терпит вранья! Целостность личности. Но и снестность. Он мог бы привыкнуть к ней, но ему пришлось отказаться от темы, которая не получается. На это ведь тоже надо суметь решиться! Не рассчитывать на «авось», а начать совсем другое дело. В Эмиле нет этого внутреннего коварства... Он мог бы, но не убедился в необходимости, начать все с нуля... Что еще? Безусловно, широта взглядов. Он нам не рассказывал, что увлечен биологией? Помогал...»

Вы обратите внимание, у него на столе журнал и выдана книга как раз на статью по генетике... Есть, конечно, и у него укзанные места. Он экспериментатор. А мы, экспериментаторы, начинаем изучать явление и быстро уходим от математики. Часто математический аппарат терпится безвозвратно. Эмиль как будто сейчас сохотелся. Наверстывает упущенное...

А Эмиль в эту минуту сидел в библиотеке. Стопка книг под абжуром настольной лампы. Тут тоже его друзья, его авторитеты. Тут человек по совести отчитывается: как живет, как существует...

1952

ВОСЕМЬ ЛЕТ ОТДАНО КАРАТАНДИНСКОМУ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМУ КОМБИНАТУ. СЕГОДНЯ АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПАНЧЕНКО СНОВА В РОДНОМ ЦЕХЕ.

Лина ТАРХОВА

МАГНИТ

Два года из жизни сталевара Алексея ПАНЧЕНКО, кавалера ордена Ленина, Героя Социалистического Труда.

Б

млы фамилии, против которых красные лампочки на доске показателей то загорались, то гасли — таких сталеваров в цехе называли слегка насмешливо — «мигунками». Только против трех фамилий — Панченко, Родичев, Худяков — лампочки горели не устывая, а это значило, что все трое каждый день шли с опережением графика.

Доска показателей висела у входа в цех. Сколоченная грубо, из случайных досок, была она просторной, прочной, как раз такой, какая могла выдержать ежедневное напряжение этого соревнования, этой битвы.

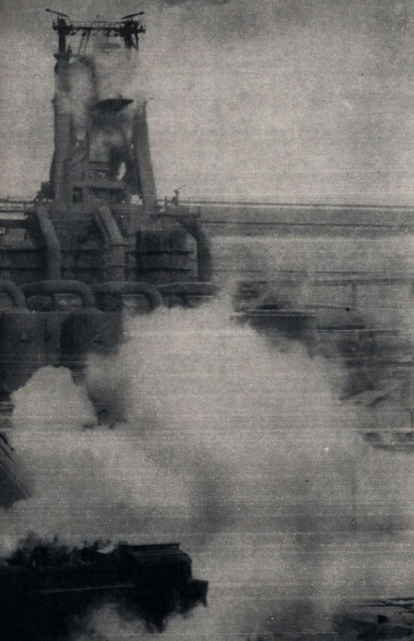
Панченко, Родичев, Худяков! Их имена знает каждый магнитовец. Городская газета регулярно печатает сообщения о новых успехах коллектива 23-й мартовской печи, выступившего с призывом дать максимальное количество стали для великих строек коммунизма.

В газете постоянная рубрика «Почти 23-й печи подвешены». В соревнование включились все цеха Магнитки, калмбуровский завод, стройки города. Рабочие хлебозавода обязуются печь хлеб так же образцово, как варят сталь Панченко, Родичев, Худяков. Приходят телеграммы от сталеваров Запорожья, Енискева, Урала. Сотни, тысячи тонн сверхплановой стали получат великие стройки на Дону, Волге, Днепре, Амударье.

В том же, 1952 году, в выжженной солнцем и морозами казахской степи, неподалеку от Караганды, бродят геодезисты, принимают, где стоят будущему Карагандинскому металлургическому комбинату. И будущей стройке, хотя она не числится в «великих» и не ей пойдет сверхплановая сталь, тоже нужно это соревнование. Но о том, какое отношение к Карагандинскому металлургическому комбинату имеет Магнитка, и в частности Алексей Панченко, будет сказано позже. Тем более что и сам Панченко не догадывается, что такая связь существует. Он весь сейчас в заботах о своей печи. В цехе идет обычная жизнь. (Даром что в нем работают знаменитости, чьи портреты — молодые лица, идеально зачесанные чубы, модные крепдешиновые галстуки — развешены по всему городу.) Штуку задерживают, магнетизма нет, ковш в самую необходимую минуту застывает. Крутится, изворачивается.

МАГИНКА. ГОД 1952-й.

Фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА
и Геннадия ОБРЕЗНОВА

После смены весь цех гурьбой к доске показателей.

— Горят!
— Все три!

Братья, я понял: к ним выключатель не пошел. Леша, поймав кулачками не привыкших еще к своей славе Алешку, Игната, Анатолия и разбуредует по душным отмыткам вездешную копыт.

А в голову уже серьезная мысль: почему у этих парней все получается?.. Война заставила Алексея пойти в ремесленное, не спрашивая, нравятся ли ему сталелитейные дела. Нахлынувшая на него безудержная эйфория, аничков шалку, из-то моторов едва видны были ярко-синие глаза, дала — чтоб погордиться — широкий ремеш с бляхой и через полтора года приставила к печи подручным сталева. В учителя ему попался тогда, ровный, как доска (его и прозвали «Доской»), сталева, которого не любил в цехе. Вокруг него все время бы как бы пусто: не было ни одного человека, который бы не любил его. Леша же, по-настоящему, он все время глупел уныло и важно. Пристраивая где-нибудь в углу пообедать, с нетерпеливой улыбкой вынимал из кошельки бутылку с молоком, и все знали, что это вода, для безопасности забелеванная алюмином. После обеда Леша же, по-настоящему, он все время глупел уныло и важно. Пристраивая где-нибудь в углу пообедать, с нетерпеливой улыбкой вынимал из кошельки бутылку с молоком, и все знали, что это вода, для безопасности забелеванная алюмином.

Поглядев в смотровое окошко, Доска вдруг кричал сердито: — А ну, моментом в лабораторию за фосфором!

Леша, ставшая со всех ног, гроточа квадратными ботинками в железных заклепках, но его останавливало раскатистое ржание подручных. Купил! Алексей злот сжимал кулаки, в которых только накапливалась сила. Он страстно хотел поскорее научиться варить сталь. Отец в каждом письме с фронта спрашивал, не перевели ли сына в сталева, тревожился за него. Убедившись, что Алексей — чистая эйфория, записался счастливым смехом.

Презвогласа страх снова оказался посмешищем, он спрашивал Доску: — А как определить, сколько углерода в металле?

Доска отвечал, доверительно наклонившись к самому Алешкиному уху: Ты на зуб его возьми, на зуб — углерода много. И, убедившись, что Алексей — чистая эйфория, записался счастливым смехом. Однажды Панченко набрался храбрости и попросил начальника цеха перевести его к другому сталева. Алексея пугали не только его малые производственные успехи, но и опасность стать таким, как Доска. Представил себя: когда-нибудь придет к нему ученик с доверенными глазами и Алексей подальше подальше и родит. Он ужаснулся... — Фамилия у нового учителя была простая, добрая — Валюжинец. Как бы и Алексей, он украинец, веселый, щедрый. Панченко рядом с ним быстро пошел в рост.

Доска работал на соседней печи. Алексей, когда вывернулись из него унылость и неуверенность в себе, глел на бывшего учителя с жалостью. Он видел, как уходит в прошлое эта порода людей, не умевших быть тонами. У нас, в металлургии, так нельзя: — повторял он про себя слова Валюжинца, глядя на одинокого даже в окружении подручных Доску. — У нас всего можно добиться только с коллективом.

...Прошло десять лет. Алексей Панченко как-то незаметно для себя перешел из «молодых» в «опытных» сталева. Десять лет у мартена. Тысячи плавок — хорошие, отличные, единицы «запоротых». Аварии, травмы, близость тысячградусного пекла, забывшего кожу, налившего тело стальной силой Алексей вытиснул, распрямились плечи, в глазах — смущающее настороженное ухарство. Доска лег вылепел, лобившего работающего быстро, — сказал он. Когда позволила печь, он вел плавку, как сказали бы технологи, на верхнем тепловом режиме — на острие ножа, на границе между аварией и рекордом, между позором и славой. Но он всегда знал, что его печь, сегодняшняя печь — с известными только ему трещинами, пропеллинами, может принять еще сто градусов жара, и эти последние сто градусов, жалея ее, он не давал. Всегда в запасе у него была минута на размышление в ситуации, которая вдруг казалась аварийной. Алексей действовал так, как учил его Валюжинец.

— Ты у печи никогда не горячишь. Хватит, что она сама горячишься. А ты в виду будь спокойный, как император Наполеон. Сколько раз в критических ситуациях к его печи сбегались и мастер, и обер (старший мастер), и начальник цеха, и ругались, и кричали, думая, что в крике может родиться правильное решение. Алексей тем временем незаметно, рукой, давая крановщику или подручному знак слушаться только его и отходя в сторону, чтобы подуть. К нему решались всегда приходило чуть позже, чем к этим шумевшим у печи людям, но они же, подумав, признавали за Панченко право поступить по-своему.

Пожоими по характеру, по стилю работы подобрались у Алексея и сменщики: Анатолий Родичев и Игнат Худяков. Все трое берегли печь и готовили ее и даче другой смене так, как если бы готовили для себя. Обязательства сочинили с помощью парторга. Тот требовал красивых, внушительных слов. Измучились, устали. «Нет, легче вам выкопаться», — расстроился Алексей. Он вообще был молчун, не умел подбирать красивые помышья — а я же тебя понимаю. Иногда он ругал себя за конюшничье, за отступные нелепых слов. Вот хоть бы тебе рассказали, как это хорошо, когда после тяжелой работы в поту, грохоте и копоти подручный откроет стальную ленту, и робко покажется первая розовая стружка стали. И как она потом прорывається страшным потоком, а сама кажется легкой, как прозрачный солнечный свет. Но все свои рассказы о работе он начинал и кончал приписком «без слов понятно», пронозиса его на разные лады, и Маша вправду научилась понимать его без слов.

И с сочинением обязательств поэтому вышло затруднение. Слова на бумаге казались нежизненными, казенными: «Зане и поднимал под ним!» — томиго протнющее чувство. — Кто мешал мне дать столько же экономии, вести такие же скоростные плавки, но молча! А если не получится — я боуптун!

Но эти мысли уже не имели значения, почти жин собственной, независимой жизнью.

В первые четыре месяца дела их двигались отлично. Конечно, случались неприятности, не зависящие от их воли: простои, аварии, болельщики плавились на митингах. Но неизменно они шли вперед, а потому что вынуждали, поднимая друг друга, люто дрались за секунды, за граммы.

Не мигнули ни разу красивые лампочки до того несчастного дня, когда на 23-й печи решили испытать новую футеровку свода. Доска пел в цехе

1972

Фото Юрия ШИЯНА

1952 год

В июне 1952 года состоялось открытие Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина. В комсомольскую организацию строили вступило около 2 тысяч юношей и девушек.

1953 год

Пущена в эксплуатацию Усть-Каме-горская ГЭС. Бурение Березовской опорной скважины в Тюменской области показало, что скважина вскрыла мощную газовую залежь.

1954 год

В 1954 году февральско-мартовский Пленум ЦК КПСС наметил программу освоения новых земель. Центральная Комитет партии обратился к комсомолу и молодежи с призывом начать поход на целину. Как всегда, на призыв партии откликнулись тысячи юношей и девушек.

1955 год

Введен в эксплуатацию крупнейший в СССР нефтепровод Туймазы—Уфа—Омск.

1956 год

За освоение целинных и залежных земель комсомол награжден орденом Ленина. 30 тысяч молодых людей получили ордена и медали СССР, 360 тысяч награждены знаком ЦК ВЛКСМ «За освоение новых земель». Наиболее отличившиеся молодые целинники удостоены звания Героя Социалистического Труда.

1957 год

На строительство Красноярской ГЭС принимают все новые и новые гидростроители. Прорублены первые просеки — будущие улицы будущего города. По просьбе гидростроителей Старый сит переименован в Дивногорск.

1958 год

В молодежном колледже теплоэнергетического цеха депо Москва-Сортировочная Московско-Рязанской железной дороги образованы первые бригады коммунистического труда.

1959 год

Комсомольские организации Ленинграда выступили инициаторами движения молодежи: выпустить семилетний план повышения производительности труда в пять лет.

1960 год

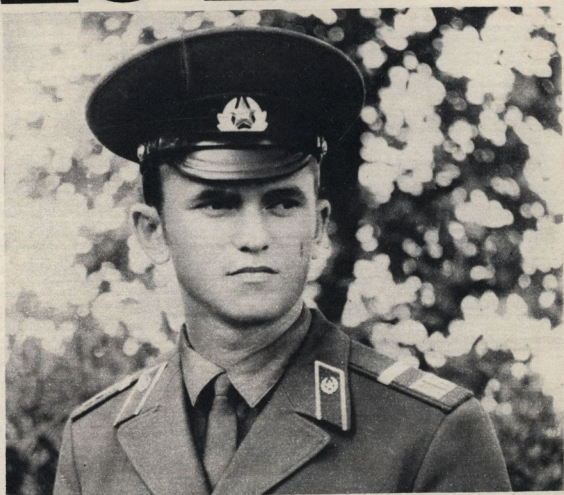
ДОКЛАДНАЯ ТЮМЕНСКОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ГЕОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ МПЗ
г. Тюмень 25 апреля 1960 г.

«Докладываем вам, что из скважины № 7 Мушкетерской площади 25 апреля 1960 года впервые в Тюменской области получена промышленная нефть. Стойкий дебит нефти составляет 10—12 тонн.

Ю. Зырьев, Л. Ровнин, В. Алисинов, М. Шалавин»

1961 год

10 октября бригада монтажников выкатора Виталия Скитерова первый агрегат Братской ГЭС, а восемнадцать дней спустя энергостроительная Центральная Сибирь приняла ток из Братска.

ВЫСОТЫ ГЕОРГИЯ ФРЕДЛЮНА

Нариман ДАДАБАЕВ

Ограда нас проводила дежурный по заставе — широкоплечий старший поручик Володя Тарасов. «Ни пуха, ни пера!», — сказал он на прощание совсем не по-уставному. Щелкнул замок как лангиты, и мы вышли к контрольно-следовой полосе. «Мы — это старший пограничного наряда эфрейтор Присаживаюсь на лених и потуже затягиваю шнурки на ботинках: путь предстоит неблизкий.

— Вершина хребта чистая. Обойдется, пожалуй, и без дождя, — говорит Георгий, поправляя сумку с автоматными дисками.

Хребет — левый фланг заставы. Доберемся мы до него не скоро: впереди два перевала.

Про хребет мне уже рассказывали. Старшина заставы Павел Афиеров в день приезда сказал: «Хребет как барометр. Завтра его облаками — жди дождя». Заместитель начальника

заставы по политической части Николай Сурма добавил: «Когда-то по нему контрбандисты проложат свою дорогу. Давно это было. Но раз ее проложили, значит, про дорогу знаем не только мы...»

Перед нами две тропы. Одна из них круто взбирается вверх, к отметке 1416,5, другая бежит вниз, в ущелье. Тропы эти не совсем обычные. Здесь поначалу вырубали кустарник, а потом построили лестницы. Без них не обойтись, особенно в пору долгих осенних дней. Вот и бегут лестницы по склонам многие километры. Вверх-вниз, вверх-вниз... Сколько ступенек на тропах-лестницах? На одном подъеме я насчитал около тысячи, почти столько же на другом. А до стая надо было еще идти и идти.

К полудню вершина хребта накрылась большой темно-серой тучей. И вскоре первые капли дождя упали на широкоплечие лбы пожелтевших кустов.

тов. Я давно перестал считать ступеньки, от усталости еле-еле передвигаю ноги. Кровь толчками била в виски. Заметили солдаты мое состояние, остановились, поспешивали. Георгии, жадно подбирался ко мне страдал.

Мам по лестнице тоже было трудно. Я, к примеру, левый фланг с тремя привалами проходил.

Бегать мы тут научились, что мало,—задумался. Саша — Жад, дома это и приходится: догонять некого, а убегать неудобно.

Разговорщики напарника Георгии остановили взглядом, а мне предложили:

— Вы переждите дождя на пикете, а мы проверим полосу до связи и вернемся.

И вот сижу я в небольшой фанерной будке. Дождь шумит по крыше, где-то рядом проскирывает ствол старой пушки. Прибегают одна за другой из семикомандной службы Феула, другой...

Машины с новобранцами дошли лишь до посевка.

— Все,—сказал водитель головного «танка».— Дальше, слушайте, на своих ногах.

Солдаты и так ясно, что дальше «на своих ногах» двигаться им не будет.

— Слезай!—раздалась команда офицера Житченко.—Приготовьтесь к построению!

Поса разгулявшись, строились, вновь загорались дождь. Хотели строить забором, но парторгники шипели, озноб прохлывал до костей. Качнулся строй, захлопнула вода под ногами. Дожидаясь, вскоре остались позади. Шли в направлении темной. Иногда начинало казаться, что по скользкой дороге не будет конца. Нехватало жикти в новеньких вельше мешках стали давать на плечи. Но вот дорога, сделав большую петлю, потонула ровной степью. Сколько же еще там! Чувствовалась, что сля едет до посевка. А там будет дождь. И вдруг знакомый голос офицера:

— Притормозите к бегу, подоткните помы шинели. Бегом марш!

Селева нам собой уснула. Георгий с трудом вытаскивал одну ногу из грязи, другую. Через минуту он, как рыба на песке, стал хватать трюм воздуха. В этот момент, откуда ни возьмется, издал офицер Житченко: «Отстае! Рядовой Феула. Другое до бегу. И у нас еще сила есть. Вперед!» Георгий до сих пор не знает: то ли эта сила самолюбие, то ли самолюбие, то ли сля сля сля у него был, но побежал он вслепую за посевком.

Не успели новобранцы очистить грязь с шинели, раздалась команда на построение. Загребали солдаты подковырнули сапог по кюляру. Бегут, на хоу в открытую. Офицер, стоящий впереди, скатерти белые, тарелки с апельсинами. Не знали они, что к втреще новичков здесь заранее готовились. А старшина торопит: «Быстрей, быстрей».

Обошел начальник заставы Владимир Борисович Гусев строй, осмотрел внимательно каждого, подмарива с прибитием и сказал:

— Только что вонили из посевка. Там я привел новую кинокапирку. Коробки с лентами нужно к ужину доставить на заставу. Кто может спуститься вниз?

— Момент солдаты, молчат и офицер, из-под козырька фуражки строй осматривает. Вдохнул кто-то рядом, другой голову опустил, третий с ног на ногу переминается. Наверное, каждый только что продался, потому что так шаг по шагу приносили. У стола дождя, так перекусывали, так мариновали на новобранцев, переменялись.

Тихо в коридоре. Неуточенной показалась Георгии та минута. А в памяти встала первая встреча с офицером-партисаном. Был он в форме, в полумесяце до призна. Вызвали Феула в военкомат на беседу. Офицер в зеленой фуражке пригласил присесть, сказал, что его как лучшего комсомольца из Адамовского метисского отряда — а вот и вот! — дуют на службу в пограничные войска. Засмущался Георгии — какой уж он лунный, но пригласил все внимательно выслушал. А когда спросили, откуда вы сюда попали, он ответил: «Из пограничных войска, и заводских ребят не подаете. Что же, Георгии, вот оно, первое твоё испытание, вспомни, как обещал ты ребятам войска держать марку дождя рабочего класса».

— Разрешите мне и Феулу шагнуть вперед.

Опыт о чем-то зашептался между собой старослужащие. Кто-то по фамилию новичка спросил.

— Потом и другие вылезали спуститься в посевка,—рассказывал мне замполит Сурма.— Но для нас, офицеров, важен был именно первый добровольец. За кинокапирку мы могли послать много из старослужащих, но не так, так, такой обстановке и проверяется характер человека. Вы знаете, на границе существует традиция: ста-

рослужащие сами себе ставят смену. Старшими пограничниками мы назначаем лучших солдат — тех, кто отлично владеет оружием, быстро ориентируется на местности, инициативны. И вот примерно за полгода до демобилизации старший подобрав себе переводчика и вместе с ним поспешно начал нести службу. Таким учителем у Георгии был ефрейтор Владимир Соколов. Георгии Феула самым первым из своего призвания стал старшим в отряде. А когда он отдал приказ, то по комсомольскому собранию встал вопрос о новом секретаре, солдаты назвали кандидатуру Феула.

— Что главное для комсомольского секретаря пограничной заставы? Георгии убежден: личный пример.

Край, где служат Феула и его товарищи, южный. Во всех книжках записано, что зима здесь бесснежная. Но последние два года пограничников одолевали снежные заносы. Нынешней зимой в погранзаставах инженерные сооружения на участки границы. Комсомольцы заставы принимали за восстановительные работы сами. В ситанные дни десяти столбов были подняты на тасчественную высоту. Цифра «200» подчеркнула в моем блокноте, за ней дни настоящего солдатского героизма, готовности в нужную минуту отказаться от коротких снах отаждать, чтобы не отстать от товарища. И еще две цифры запомнились: два бревна были нормой для солдата в смену, Георгии за это же время устанавливал пята.

В этот вечер Георгии Феула позволил мне сля проломить. Георгии Феула позволил мне сля проломить — первый на стрельбище, на тактических занятиях, в спортивном городке. Потому что для пограничников заставы он не «примыкающий», не «пограничник», а человек, который чему-то может научить и их.

Расскажу еще о двух эпизодах, происшедших на этой заставе. Они утверждали меня в мысли, что если для солдат секретарства в биографии, то для Феула оно являлось закономерным.

Жизнь каждого солдата на заставе как на ладони. Радость свою от других не скрываешь, да и с нею не считаешь никому не денешься.

Вот уже сколько дней рядовой Николай Гоголов ходит бегом в войска опущенный.

— Что с тобой? — пробовал не раз подступиться к нему Георгии, но тот или отмахивался, или, сохранившись на каки-нибудь два, уходил в казарму. А настроение Николая за последние дни было бесконечно Георгии. Неизвестно, сколько бы времени потребовалось ему, чтобы пробиться в войска рядового Гоголова, да помог член бюро Саши.

Осталось лишь как-то с Георгием даюдем, про свои дела разговаривать.

— Никак не пойму, в чем дело. Молчуном Николай стал.

— Верно. Не раз спрашивал его, что, мол, с тобой. Отмахивался стал,—похаживая Саша.

Завтра ты в отпуск едешь. Возьми его адрес, заведи к родным. Крок ведь тебя небольшой.

Солдатский отпуск неадекват, потому он и назывался краткосрочным. Вернулся Георгии быстро, привел с собой письмо и привел его адрес, заведи и родных. А Николаю сказал доверительно:

— Твой Браз сразу мей за своего признал. Обрядовался солдат, заумбался.

— Как там?

— Вот ведь как дело повернулось. Причина встала — Браз, большой, умный пес Николая, освоился дома. Вспомнил, что собачу еще со школьных лет любил, а теперь уже и на границу они вместе отправятся. Чуть Николай не заплакал, что такие случаи не редки. Но забавлялась коммиссия Браз, дава обидные слова про него

Рядовой Гоголову к втреще, чтобы охранять, а хлюк с классом. И ушел Николай на службу. Пока был на учебном пункте, вроде бы совсем успокоился. А приехал на заставу, увидел аккуратно побитый шптомик, ушлые глаза овчарок и опыт своего Браз, встал.

Через день отправился Феула к Владимиру Борисовичу Гусеву. О чем у них там разговор был, никто не знает. Но вскоре раздалась команда:

— Рядовой Гоголову к втреще, чтобы охранять, а хлюк с классом. И ушел Николай на службу. Пока был на учебном пункте, вроде бы совсем успокоился. А приехал на заставу, увидел аккуратно побитый шптомик, ушлые глаза овчарок и опыт своего Браз, встал.

Через день отправился Феула к Владимиру Борисовичу Гусеву. О чем у них там разговор был, никто не знает. Но вскоре раздалась команда:

— Рядовой Гоголову к втреще, чтобы охранять, а хлюк с классом. И ушел Николай на службу. Пока был на учебном пункте, вроде бы совсем успокоился. А приехал на заставу, увидел аккуратно побитый шптомик, ушлые глаза овчарок и опыт своего Браз, встал.

Через день отправился Феула к Владимиру Борисовичу Гусеву. О чем у них там разговор был, никто не знает. Но вскоре раздалась команда:

— Рядовой Гоголову к втреще, чтобы охранять, а хлюк с классом. И ушел Николай на службу. Пока был на учебном пункте, вроде бы совсем успокоился. А приехал на заставу, увидел аккуратно побитый шптомик, ушлые глаза овчарок и опыт своего Браз, встал.

— Все так и было,—засмущался Николай, когда я спросил его об этой истории, а потом сказал: — Теперь-то у меня ни дня, ни минуты не могу не забрывать. Обещал я начальнику первого подготовленного мною на «гражданке» пса на нашу заставу прислать.

Членов комсомольского бюро начальники заставы пригласил к себе всех сразу. Про случившееся рассказали все, и каждый из них испытывал чувство невольного сочувствия к Николаю. Комиссия собралась с ним. Владимир Борисович встал из-за стола и сую сказал:

— Простунок Сидорова, оставленного в решающей моменте солдата напарника,—плотно на всю заставу. Решайте...

Прихлопнула смуглой ладошкой бумагу и так же сую закончила:

— Все. Можете идти.

— Судрола стопа перед ними весь красный, нервно крутил головой и поначалу пытался доложить свое.

— Но потом же в вернулся...

— Вернулся! Ну и что?—вскрикнул Саша Литвиненко. — Нарушитель за это время мог скрыться.

— Ничего не случилось,—отвечалась Юрий.

В комитет волеарный отпущения. Письмо родителю... Нет наказания страшнее.

Юрий Сидоров стопа весь пушистый, крупные глаза вытаскивали на его губы.

— Да что с ним разговорить!—опять сказал Саша Литвиненко.—Предлагаю написать от имени бюро письмо его родителям.

В комитет волеарный отпущения. Письмо родителю... Нет наказания страшнее.

Юрий встал, прошлепал по комитету.

— Письмо родителям,—заговорил он нетерпеливо, глаза кривящие. Представьте чувства отца и матери, когда бы они читали его. Но я, что вы думаю. Второй год Юрий с нами, а ведь это что-то значит. От обязанности старшего наряда начальная заставка его освободила, и в попросил его «жизни» отпустить Юрия на службу вместе со мной. Завтра он пойдет с Сашей Литвиненко, потом с Окишневичем. Совсем, члены бюро Федора Сидорова на себе.

Много лет назад я начинал вот в таких же порах свою пограничную службу. Снет у нас сходила лишь в мае, и дорога в домину былава открыта. Когда-то в начале войны заставы капитан Жуков, к которому мне, молодому лейтенанту, назначили заместителем, был старожилком край, знал его и с какой-то беззастенчивой любовью относился к нему. Уже при мне он не раз предлагал перебраться на посевку, но я не соглашался. Были причины, чтобы отказаться от перевода. Сейчас мне трудно припомнить подробности первого разговора с ним, но одна деталь врезалась в память. «Много ли времени нужно, чтобы привыкнуть к высоте?» — спросил я его. «К высоте?» — перебриснул капитан. Подумав и ответил: «Запомните, высота для пограничника — дело третье. А помню, он должен был привыкнуть к высоте. Но я не найти себе в коллективе, добиться его уныния. А этого не бывает, если в самое короткое время он не станет мастером своего дела. Понятно? Я слышу «оптимо», хотя смысла услышанного познаю много позже, прослужив в горах несколько лет.

В этот раз на заставе я прожил около недели. С первого дня был на полевом Георгии Феула, двадцатипятилетний парень, славный, славный. Лишь его усмешка веселющими. Когда валили ни чему-то радуется, они становятся яркими-яркими. Спал мы с ним рядом, вместе смотрели телевизор. В свободное от службы время я присматривался к Георгии, расспрашивал о нем его товарищи. Интересовало меня одно: как соединили солдат бегом свое высоты?

Вот так же, как и я, в свое время, в погранслужбе прошли в горы. В долину он спускался всего лишь два раза: на комсомольскую отрядную конференцию и когда ездил в краткосрочный отпуск. А дождя в Мармариосе отрядами в отряде на этом горам и ушедшем более шести тысяч километров. Много ли это или мало? К себе домой, убаюлился он, два-три раза спускался и вернулся в горы. В Мармариосе, куда я ездил, спускался, лишь один раз, и в долину он спускался всего лишь два раза.

До конца службы Георгии отслужил несколько месяцев. Наступил день, когда он распрощался с товарищами, а его оружие вручил молодому солдату Саше Мармариосе. Когда же наступил день, когда уже в роли старшего. Приведет Георгии к себе в Донбасс, вновь пойдет работать на металлургический, а в его памяти останутся горы, ушедшая и трудная служба. Тысячи ступенек: вверх-вниз, вверх-вниз...

МЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

ВИДЕН ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

Николай ПАСТУХОВ

За ходом стрелок по обычному часовому циферблату наблюдают одновременно миллионы людей, где бы они ни находились в ту или иную минуту — в Париже или Нью-Йорке, Токио, Лондоне или, скажем, Глен-Ибиду на острове Мадагаскар. Но, фиксируя часы, минуты, секунды, часто ли думаем мы о времени в более широком понятии — о веке, в котором мы живем?

Наш век — это главная его черта — дал человечеству новый тип государства. Советский Союз обладает огромной притягательной силой, яркая и отличительная его черта — подлинный, высокогуманный пролетарский интернационализм.

Великая дата 50-летия образования СССР стала не только нашим праздником, праздником всего социалистического содружества, но и событием крупного международного значения. Это заслуга советского человека, который своим трудом и подлинным интернационализмом вызвал всеобщее уважение.

АША-ОЛГА

Я совершал поездку по Саураштри — одному из живописнейших районов западного побережья Индии. Волны Аравийского моря омывают берега Саураштри с запада, севера и юга. Тропические джунгли перемежаются цветущими полями, орошаемыми горными реками.

Казалось, XX век совершенно не коснулся этих мест. Убогие деревушки, деревянная мотыга, почти никакая связи с внешним миром.

Путешествие подходило к концу. Я возвращался в Раджкот — столицу Саураштри, а оттуда должен был уехать в Бомбей. В нескольких километрах от Раджкота я обратил внимание на телегу, запряженную двумя измученными волами. В телеге насолом лежала женщина и громко стонала. Крестьянин гнал волов из всей мочи. Я остановил машину около телеги и спросил крестьянина, не нуждается ли он в помощи.

— О господи, помогите, помогите быстрее доставить в родильный дом Раджкота мою жену. Нельзя терять ни одной минуты.

Мы перенесли женщину в машину. Крестьянин попросил прохожих посмотреть за волами и телегой, а сам сел рядом со мной. Крестьянина звали Кунбхай, а его жену Нила Парбанди.

— Моя деревня, — сказал Кунбхай, — в ста километрах от Раджкота. Какие мучения перенесла моя Нила!

— Зачем же вы подвергли ее та-

кому риску, неужели нельзя было найти врача поближе? — спросил я с недоумением своего попутчика.

— О нет! — воскликнул Кунбхай. — Я не хотел звать к ней «суани» (так называют в Индии невежественных повивальных бабок. — Н. П.). Я решил ее отвезти, хотя и предпринял рискованный шаг, к Аша-Олге, о которой ходит добрая молва по всей Саураштри.

— А что это за странное имя? — спросил я.

— Олга — это имя русской женщины, а «аша» на языке гуджарати означает «надежда»...

— Я ведь тоже из России, но ничего о ней не знаю.

— Как мне повезло! Тогда вы попросите ее, чтобы она сразу же осматрела мою Нилу и сделала все необходимое...

Вот так совершенно неожиданно я познакомился в далекой Саураштри с советским врачом Ольгой Викторовной Макаевой, доктором медицинских наук, первым нашим представителем в Международной организации здравоохранения (МОЗ) при ООН.

По приглашению МОЗ Ольга Викторовна в 1955 году приехала в Индию, в район Саураштри, в качестве главного медицинского консультанта по вопросам охраны материнства и младенчества. Несколько лет она была единственным советским человеком в Саураштри.

На телегах, а то и пешком передвигалась Ольга Викторовна от одной деревни к другой, делая с жителями их скромную, непривычную для нас пищу, ночуя в бедных крестьянских лачугах. Она создала вокруг себя группу энтузиастов из местных девушек и тех людей, которые получили элементарное медицинское образование, передавала им свой опыт и свои знания. Но вначале возникла естественная трудность: как общаться с народом! Макаева овладела английским языком, а затем освоила и разговорную речь гуджарати. Вскоре Ольга Викторовна выступала с докладами в деревнях, читала лекции индийскому медицинскому персоналу.

Много усилий приложила она к тому, чтобы открыть как можно больше родильных домов. Трудностей было много, и главная — отсутствие помещений. Она вступала в контакты с сельскими панчаятами (органы местного самоуправления), и многие панचाаты пошли ей навстречу, выделяя дома или денежные средства. Но однажды в деревне Сора произошел курьезный случай.

У местного панчаята не было ни помещения, ни лишних средств. Единственное здание, в котором можно было открыть больницу, принадлежало храму богини Медхи — «покровительницы бедных». Панचाат уже не

АФГАНИСТАН. КАБУЛ. В ОДНОМ ИЗ ЦЕХОВ ДЖАНГАЛАКСКОГО АВТОРЕМОНТНОГО ЗАВОДА, ПОСТРОЕННОГО С ПОМОЩЬЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

РУМЫНИЯ. «ЖЕЛЕЗНЫЕ ВОРОТА» — ОДНА ИЗ КРУПНЕЙШИХ В МИРЕ ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ. ЕЕ СООРУЖАЛИ РУМЫНСКИЕ, ЮГОСЛАВСКИЕ И СОВЕТСКИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ.

АРЕ. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ПОМОГАЕТ РАСШИРЕНИЮ ХЕЛДАНСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМБИНАТА.

ВЕНГРИЯ. ГАЗОВЫЕ РЕЗЕРВУАРЫ ДУНАЙСКОГО НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕГО КОМБИНАТА. СЮДА ПО ТРУБОПРОВОДУ «ДРУЖБА» ПОСТУПАЕТ СОВЕТСКАЯ НЕФТЬ.

СОМАЛИ. НАШИ СПЕЦИАЛИСТЫ НА ВСТРЕЧЕ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ.

раз обращался к брамну (жрецу храма) с просьбой отдать это здание под школу или больницу, и каждый раз он отказывал, ссылаясь на то, что богиня Медли на это не соглашается. Как-то брамну посетила Ольга Викторовна. Их беседа длилась несколько часов. Вокруг храма собралась толпа крестьян. Наконец Ольга Викторовна и брамни вышли из храма. На лице брамни были написаны явное смущение и растерянность. Ольга Викторовна обратилась к крестьянам:

— Я как женщина и как врач ближе к Богине Медли, и она мне сказала, что храм «можно отдать под родильный дом. Пускай брамни проверит у нее».

Брамни тут же удивился в храм. Через пять минут он появился в дверях храма и объявил крестьянам, что богиня Медли «соглашается» отдать храм под помещение родильного дома. С тех пор и стали в Сауштре обожествленно величать Макеву Аша-Ольга.

НАШИ ПАРНИ В БИХАЛИ

На месте небольшого Бихальского металлургического завода еще пятнадцать лет назад была выжженная

солнцем полупустыня, окаймленная непроходимыми джунглями, где обитали тигры. Сюда редко добирались даже охотники-туристы из дальних стран, искатели острых ощущений. А сейчас здесь, рядом с промышленным гигантом, возник современный город новой Индии — Бихали-Нагар с прямыми улицами, кинотеатрами, магазинами, клубами, ресторанами, школами, больницами, отелями, спортивными площадками.

Мне посчастливилось быть очевидцем великой бихальской стройки от котлована до производства первого чугуна, первой стали и первого проката, наблюдать жизнь и труд советских людей — скромный и героический. Бихали-Нагар — город необычный. Здесь, в палисадниках рядом с тропической пальмой соседствует привезенный с Украины подсолнух, здесь играют в привившийся в Индии английский крикет и не менее популярное русские городки, по вечерам здесь можно услышать не только индийские, но и русские, украинские, грузинские, узбекские песни, здесь в клубах самодеятельные ансамбли исполняют не только танцы Бхарата Натяма, но и голки и русскую плескующую. Завод и город строили вместе с индийцами наши парни из Запо-

рожья и Жданова, Свердловска и Магнитогорска, Ташкента и Тбилиси, Ленинграда и Москвы.

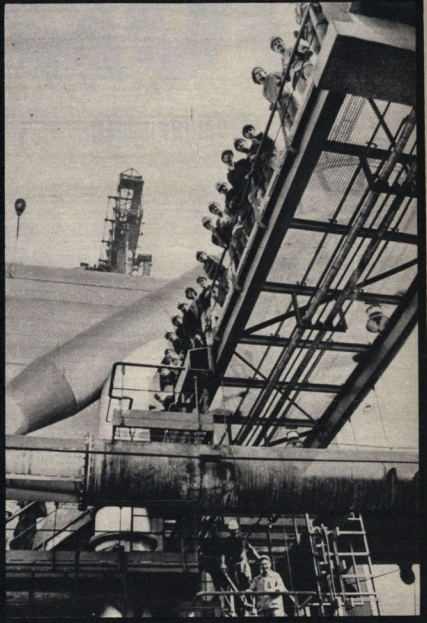
Кадира Исламова, воспитанника узбекского детдома, война застала пятнадцатилетним юношей. Несмотря на все просьбы и уговоры, в армию его не взяли. Иди на завод, посоветовали ему, там ты принесешь Родине большую пользу. Так началась рабочая жизнь Кадира. Он овладевает сложной специальностью электромонтажника и участвует в восстановлении разрушенных титлеровцами заводов Макеви, Запорожья, Кривого Рога. В 1959 году он приезжает в Бихали и сразу же завоевывает всеобщее уважение. Этот парень родился на земле Узбекистана, который до 1917 года был такой же бесправной, отсталой колонией, как и Индия. После Великого Октября Узбекистан вошел в состав СССР, и вот узбек Кадири Исламов, квалифицированный электромонтажник, строит в Индии первое современное промышленное предприятие!

Как-то я приехал в Бихали. Стояла нестерпимая жара. Ртутный столбик поднимался до отметки 40—45 градусов. Местные старожилы полагают, что до сезона муссонных дождей достаточно времени, и поэтому цен-

ное электрооборудование, доставленное из СССР, находилось на строительной площадке под открытым небом. Но индийская природа капризна. И однажды вечером в дом Кадира прибавил взволнованный индийский мастер Маскаранис.

— Беда, большая беда! — воскликнул он. — Приближается муссон! Дорога каждая минута! Надо спасать оборудование!

Черные сумерки повисли над Бихали. На строительной площадке ни одного человека. Поднимать тревогу, связываться с техническими службами — значит, потерять много времени. А свинцовые тучи, награвившие со стороны Кармандельского побережья Индийского океана уже нависали над заводом и городом. Раздумывать некогда. Кадири и Маскаранис, захватив с собой членов своих бригад, мчатся на машинах к строительной площадке, подгоняют краны и перекрывают электротрансы, некоторые весом до тридцати тонн, в закрытое помещение. В обычных условиях на такую работу потребовалась бы неделя, а Кадири, Маскаранис и их друзья выполнили ее за несколько часов. Обратно они шли: обившийся. Тропический ливень хлестал как из ведра.

1972

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Полдень завтрашний
выянчу я.
К удивительным звездам взвояюсь.
Пусть звучит эта клятва моя —
верен ей навсегда останусь!
Будто малая капелька,

я
с океаном великим
солюсь.
Мы —
величественная семья!
Мы —
Советский Союз!

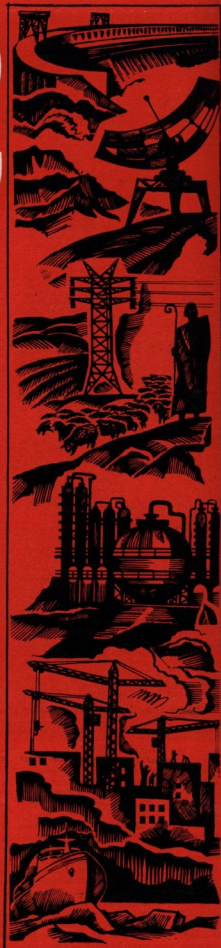
Наши мечты бессонны.
Наши дороги ясны.
Будто большое солнце —
Герб
Советской
Страны.

И на груди Отчизны
символом юной весны
светится

орден жизни —
Герб
Советской
Страны!

Будто малая капелька,

я
с океаном великим
солюсь.
Встали рядом со мною друзья —
с ними я ничего не боюсь.
Все, что выпадет,
выдержу я
и с пути своего не собоюсь.
Мы —
невидавшая семья!
Мы —
Советский Союз!

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАККОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашии, Г. П. Еписеев, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рабчинюк, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стунов [главный художник], Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевич

Художник Г. С. Терзибашянц Технический редактор Н. И. Будюкина
НАША ОБЛОЖКА: Герб Страны Советов. Фото Бориса ЗАВВИЯ

НАШ АДРЕС: 101457, Москва, А-15, ГСП,
Бульварный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87.

Сдано в набор 3/XI 1972 г. А 01023. Подписано и печатно 26/XI 1972 г.
Формат 70 × 108/16. Усл. печ. л. 5,80. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 2553. Заказ № 3715. Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени
В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕСНЯ О РОДИНЕ

Слова Василия ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА

Музыка Исаака ДУНАЕВСКОГО

В ТАКОМ МАРШЕ, ОЧЕНЬ ЭНЕРГИЧНО.

«Песня о Родине» И. Дунаевского шагнула в жизнь с экраном, как и многие другие популярные песни тридцатых годов. До сих пор нельзя без волнения смотреть замечательный фильм «Пира». Наше сердце в едином порыве вторит Любови Орловой: «Широка страна моя родная...»

Чем объяснить обаяние и успех этого лучшего несомненно произведения И. Дунаевского? Он сам рассказывал, что, должно быть, интонации для припева, близкие к старинным крестьянским песням и песням революционной борьбы. Тридцать шестой год, по исполнению другой композиции, был годом особым и вдохновенного увлечения Дунаевского русским фольклором. Он с восхищением отмечал, что народное творчество полноправно и свежо входит в современную музыкальную культуру.

Припев:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необытной Родины своей.

Всюду жизнь, привольно и широко,
Точно Волга полная, течет.
Молодым везде у нас почет,
Старикам везде у нас почет.

Припев.

Наши нивы взглядом не обширишь,
Не упоминь наших городов,
Наше слово гордое — «товарищ»
Нам дорожи всех красивей слов.

С этих слов нам повсюду дана,
Нет для нас ни черных, ни цветных,
Это слово каждому знакомо,
С ним везде находим мы родных.

Припев.

Над страной весенний ветер веет,
Нет для нас ни все радостнее жить,
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить!

Но сурово брови мы насунили,
Если враг захочет нас сломать,
Как невесту, Родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать!

Припев.

на номера 20 коп